

Дом с синей комнатой

Автор:

Рику Онда

Дом с синей комнатой

Рику Онда

Хонкаку-детектив

В дождливый летний день уважаемое семейство доктора Аосава устроило в своем доме большое торжество с множеством гостей. Но праздник окончился жуткой трагедией – все присутствующие умерли в страшных муках от яда, содержавшегося в напитках. Дом превратился в морг... В живых осталась лишь юная Хисако, слепая дочь доктора Аосава, – она ничего не пила. Но ее допросы ничего не дали – лишь еще более запутали полицию. «Синяя комната... Белый цветок... Очень страшно...»

Дело закрыли, когда в октябре того же года главный подозреваемый – молодой человек, доставивший в дом напитки, – покончил с собой, оставив записку с признанием своей вины. Но спустя годы Макико Сайга, подруга выжившей Хисако, начала свое собственное расследование. Опросив множество людей, помнивших тот день, она написала книгу, ставшую бестселлером. Макико убеждена, что верно разгадала головоломку и знает, кто настоящий убийца...

Рику Онда

Дом с синей комнатой

Посвящается М. Р.[1 - Имеется в виду Мишель Петруччиани, французский джазовый пианист, чье музыкальное произведение «Юджиния» вдохновило автора на написание книги. Скончался в январе 1999 г.], не дожившему до того, чтобы увидеть XXI век

Юджиния, моя Юджиния.

Я так долго скитался в одиночестве,

Чтобы однажды встретить тебя.

Сегодня настал конец долгим дням,

Когда я дрожал один в далеком закатном солнце.

Отныне в вечности – мы вместе.

Звуки песен, слетающие с моих губ,

Хруст панцирей жуков под моими ботинками

в утреннем лесу,

Мое маленькое сердце, без остановки

качающее кровь,

Все это я посвящаю тебе.

© Шерегеда Т.С., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

– Ты помнишь что-то еще?

– Я стою у входа в старую, темную, синюю комнату.

– Что это за комната? Чей это дом?

– Я не знаю.

– Почему ты оказалась там?

– Я не знаю. Со мной кто-то взрослый, он держит меня за руку. Думаю, он меня туда привел.

– Кто этот взрослый?

– Я не знаю.

– Расскажи мне о синей комнате. Почему она синяя?

– Стены выкрашены в глубокий, холодный синий цвет. Комната в японском стиле, устланная татами[2 - Татами – традиционные толстые (5 см) тростниковые маты, обшитые по длинным краям тканью, укладываемые на пол. В Японии до сих пор измеряют площадь помещений в татами; размер одного татами составляет 95,5?191 см (в Западной Японии) и 88?176 см (в Токио и Восточной Японии).], маленькая, как кладовка. Планировка необычная – из коридора можно увидеть сразу две стены. Кое-где участки стен пурпурные, даже красные. Помню, я содрогалась при одной мысли о том, что, будь эта комната моей, мне пришлось бы каждый день есть в окружении этих стен.

– Ты заходила в эту комнату?

– Нет. Мы рассматривали ее снаружи. Не припомню, чтобы заходила внутрь...

– Что еще?

– Больше ничего не помню.

– Хоть что-то. Пригодится любая мелочь...

– Индийская сирень...[З - Имеется в виду распространенное, но ошибочное название лагерстрёмии – настоящая сирень и лагерстрёмия относятся к разным семействам. Несмотря на название, родиной растения является Китай. Декоративное растение с крупными цветами белого, розового, малинового или пурпурного цвета, используется в оформлении парков и оранжерей.]

– Индийская сирень? Дерево с гладким стволом?

– Нет, цветы. Цветок белой сирени.

– Белая? Не обычная красная?

– Да, белая. Помню белый цветок. В самом расцвете.

– Вспомни хорошенько. Что ты подумала, увидев белый цветок?

– Такой красивый и чистый... На лепестках ни пятнышка. Но рядом с этим цветком мне было очень страшно.

– Почему? Почему тебе было страшно?

– Не знаю. Но почему-то мне было очень страшно рядом с этим цветком.

1

Он приходит с моря

I

Каждый новый сезон приносит с собой дождь.

Нет, не так. Думаю, слово «новый» тут не подходит.

Каждый следующий сезон. Каждый следующий сезон приносит с собой дождь.
По крайней мере, в этом городе.

Но это нельзя назвать резкой переменой; дождь постепенно размывает границу между старым сезоном и новым – с каждым ливнем следующий сезон лениво наступает, словно нехотя извиняясь перед предшественником.

Здесь дождь всегда приходит с моря.

Так мне казалось в детстве.

Сейчас от моря нас отделяют новые многоэтажные дома, а раньше ты всегда мог взглянуть на него, стоило только забраться на возвышенность. Рассерженные дождевые тучи, налитые жарким воздухом, наступают, готовые обрушить свою тяжелую ношу на берег.

Переехав, я с удивлением обнаружила, что в регионе Канто[4 - Канто – восточный регион острова Хонсю, наиболее высокоразвитая и урбанизированная часть Японии. В нем находится столица государства – Токио, резиденция императора и правительство Японии.] ветер, наоборот, дует с суши. По ту сторону нет ощущения господства океана. Даже приближаясь к кромке воды, запаха не учуять – жар и запахи с суши сбегает в океан. Города раскрываются ему навстречу. Горизонт же всегда удаляется от смотрящего, неподвижный, словно картина в раме.

Здесь же море отнюдь не освежает, не приносит ощущения легкости или свободы. И горизонт всегда слишком близко, словно ждет шанса кинуться на сушу. Кажется, море пристально следит за тобой, и, стоит только отвернуться, оно обрушится на тебя.

Сегодня жарко, не правда ли?

Жара так давит... Словно весь город заперт в гигантской пароварке. Жара не дает продохнуть. Она лишает сил гораздо быстрее, чем кажется.

Еще в детстве лето было для меня невыносимым. Аппетита совсем не было, от жары кусок в горло не лез. К концу летних каникул мой рацион мог состоять лишь из ячменного чая и холодной лапши сомэн[5 - Сомэн, сомён или сомян – очень тонкая лапша из пшеничной муки, диаметром менее 1,3 мм. В Японии обычно подается холодной с соевым соусом или соусом даси.]. На всех летних фотографиях я худая, одни глаза! И сейчас от долгой ходьбы по асфальту еле ноги переставляю. Теперь, когда дома есть кондиционер, не так страшна жара, как перепад температуры, стоит выйти на улицу. Неужели и правда из-за глобального потепления лето с каждым годом становится все длиннее?

Давно я тут не была...

Я жила здесь всего-то четыре года, во времена учебы в начальной школе. Переехала сюда весной во втором классе, а весной в шестом моя семья уехала в Нагано.

Ах да, конечно, потом я еще год потратила в разъездах туда-сюда, жила то здесь, то в Токио...

Взяли с собой зонт? Даже в путеводителе сказано обязательно его прихватить. Да, сейчас ясно, но никогда не скажешь, надолго ли.

Как же жарко... Эти жара и влажность вытягивают силу из всего живого. За облаками, словно тускло подсвеченными по периметру, не видно неба. Они опускаются так низко – кажется, протяни руку – и сможешь их коснуться. Значит, точно будет ливень. Не успеешь опомниться, как небо обрушится дождем на город и покроет его лужами. И зонт вряд ли спасет от мокрых плеч и лодыжек, уже только одно это легко наведет тоску. Сейчас мало кто носит резиновые сапоги. Я надевала их в детстве. Конечно, чтобы поиграть в лужах, специально прыгая в них обеими ногами и поднимая брызги, – кто же так не делал?

А вот снег здесь идет не так часто. Перед переездом мы какое-то время жили ближе к горе Фудзи, не то чтобы далеко отсюда, но снега там было хоть отбавляй. Тяжелого, мокрого снега. Слепленные из такого снега снежки бьют

очень больно, а дверные перегородки фусума[6 - Фусума – скользящая дверь в виде обклеенной с двух сторон непрозрачной бумагой деревянной рамы; используется для деления большой японской комнаты на части.] за зиму промокают насквозь и затвердевают. Здесь такого снега не бывает.

И все же люди – очень странные существа. Как говорится, «опасность миновала – бог забыт»[7 - Японская пословица, звучит буквально «Стоит проглотить, как забываешь, что было горячо»]. Стоит прийти летней жаре, как мы начинаем скучать по зимней стуже, словно забыв, как несколько месяцев назад город буквально утопал в снегу.

Как же все-таки жарко...

II

Планировка этого города не показалась вам странной?

Что скажете? В большинстве городов рядом с вокзалом всегда расположен старый торговый квартал. Разве что только позднее пристроили вокзал для синкансэнов[8 - Синкансэн – высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны. Также поезда синкансэн называют «поезд-пуля».] или экспрессов в аэропорт. Старые города всегда разрастаются в разные стороны от вокзала в центре. Но этот город другой. Непосредственно у вокзала есть лишь пара отелей, центр городской жизни с торговыми улочками от него удален.

Думаю, все столицы префектур выглядят одинаково. Прямо от вокзала всегда начинается главная дорога, зажатая между отелями и универмагами. Чуть дальше будут торговые улочки поменьше и кварталы развлечений, а затем – не особняком, но и не рядом – офисные и административные здания. А по другую сторону от вокзала рядами одинаковых холодных новостроек вас встречают бурно развивающиеся районы.

В детстве я никак не могла разобраться в устройстве этого города. Я знала, где найти нужную мне автобусную остановку, помнила ее окружение, но не могла

собрать все воедино и составить общую картину.

Вы не против побродить наугад?

В других городах можно легко понять, где заканчивается центр. Сразу узнаешь спальный район или поля для посевов. Границу между ними и центром видно невооруженным глазом.

Но в этом городе очевидной границы нет. Пройди чуть дальше – и окажешься в районе чайных домов. Потом очнешься среди храмов и святилищ. Еще дальше – старые дома самурайских семей, затем административные здания, следом увеселительные заведения. Весь город словно наскоро слеплен из небольших разнородных кварталов, отдельных, но в то же время связанных воедино. Гуляя по нему, можно наблюдать за их временным сближением так же, как ученый наблюдает за синапсами нейронов[9 - Синапс – место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой. Служит для передачи нервного импульса между двумя клетками.]. Слово и нет никакого центра, лишь череда бесконечных районов, по которым движешься, не останавливаясь, как в китайских шашках[10 - Китайские шашки – несмотря на название, с шашками игра не имеет почти ничего общего и к Китаю также отношения не имеет. Китайские шашки – упрощенный вариант игры Халма, которая была изобретена в 1883–1884 гг. в США. В китайские шашки играют на поле, имеющем форму правильной шестиконечной звезды. Цель игры – переставить все свои шашки в противоположный луч звезды первым. Во время игры все шашки остаются на поле – бить в этой игре нельзя.].

Я люблю вот так бродить по старым городам. Люблю наблюдать за незнакомым местом и жизнью его обитателей. Когда обнаруживаешь ящик для молока на крыльце жилого дома или поблекшую эмалированную вывеску, прибитую к стене магазинчика, словно оказываешься в прошлом.

В этом городе так приятно бесцельно гулять. В крупных городах вроде Киото чувствуешь себя запертым в компьютерной игре с улицами, внушающими чувство беспомощности перед множеством пересечений и прямых линий. Возможно, дело в отсутствии перепада высот? Куда утомительнее идти по ровной поверхности без спусков и подъемов, всю дорогу не меняя темп и дыхание. Любой почувствует на себе тяжесть города.

Конечно же, на устройство этого города повлияли военные и исторические процессы.

На карте хорошо видно, как две реки с разных сторон как бы обнимают холм, на котором возвели старый город. Он с трех сторон защищен холмами, а с четвертой – океаном. Природная крепость. Говорят, сложно штурмовать вершину холма, пологие склоны которого изрезаны узкими дорогами. Старый план города легко разглядеть даже сейчас, ведь здесь не бывало крупных пожаров.

Давно я не слышала о крупных пожарах. Разве что от взрослых в детстве. Помню, они упоминали какое-то здание, которое «никогда не горело», или переспрашивали, «горел ли» какой-то дом. Тогда я этого не понимала, но речь, конечно, шла о пожарах из-за зажигательных бомб Второй мировой. Страшно представить, но нечто столь ужасное стало таким привычным, что разговоры о пожарах были частью обычных бесед между соседями.

III

Давно я здесь не бывала. Наверное, с экскурсии в младшей школе. Когда живешь рядом с туристической достопримечательностью, редко сам ее посещаешь. В середине лета, да еще и в полуденное время, посетителей почти нет – сейчас слишком жарко для туристических групп. Нам это только на руку, можно спокойно осмотреться. Зимой же туристы съезжаются сюда посмотреть на деревья и кусты в веревках юкицури[11 - Юкицури – японская техника для сохранения деревьев и кустарников от сильного снегопада. Деревья получают дополнительную поддержку бамбуковыми палками с веревками, прикрепленными к ветвям; в то время как кусты зачастую крепко обвязаны по всей окружности.], защищающих от холода и снега. Про это даже сюжеты для новостей снимают.

Все же этот парк неспроста зовут одним из трех главных парков Японии. Поражают его размер и масштаб, разнообразие видов, тщательный уход за ними. Зелень кажется дикой, прямо-таки первобытно могущественной.

Могущество – странное явление, не правда ли? Кому сейчас придет в голову создавать нечто столь грандиозное и абсурдное, как этот сад? Несомненно, это необыкновенное место. Прекрасная часть культурного наследия, объект национальной гордости, изысканное проявление японской духовности. Но, в конечном счете, это всего лишь сад, а не что-то жизненно необходимое – школа, посевное поле или акведук. Могущество, позволившее не только создать, но и сохранять этот великолепный сад сотни лет, за гранью понимания простых людей вроде нас с вами.

Да, часто мы оказываемся в плену обстоятельств, не поддающихся нашему пониманию. Становимся заложниками событий, развитие которых мы не можем предсказать. Конечно, это никому не под силу.

Как поступить человеку, столкнувшемуся с чем-то не доступным его пониманию? Отрицать, делая вид, что ничего не случилось? Злиться или обижаться? Печалиться? Или просто растеряться? Любая из этих реакций вполне объяснима.

Я же почти сразу после инцидента переехала в Нагано и, будучи ребенком, смогла начать все с чистого листа. Я действительно довольно быстро позабыла о случившемся.

Однако меня продолжало преследовать странное ощущение беспокойства, словно осадок, оставшийся где-то в глубине подсознания.

Я не боялась вспоминать о тех событиях. Все-таки я не была их непосредственным участником. Но, взрослея и наблюдая за несправедливостью мира, я все отчетливее ощущала, как беспокойство внутри меня просыпается, медленно поднимаясь с глубины на поверхность. Со временем это ощущение росло, крепло и все больше меня занимало.

Не помню, что в конце концов заставило меня однажды принять решение покончить с этим. Я осознала, что не смогу спокойно продолжить жить, если не избавлюсь от этого удушающего беспокойства.

Я много думала о том, как же вытащить на поверхность это укоренившееся во мне чувство.

Я думала. Я бесконечно много размышляла о том, чего не могла понять.

И я решилась провести расследование, пусть и ограниченное моими способностями и моим пониманием произошедшего.

Вот какой была моя реакция. Для меня это являлось единственным разумным выходом.

Результатом моего расследования и стал «Забытый фестиваль».

IV

Здесь уже не слышно шума машин.

Машины сейчас повсюду, куда ни пойдешь. Почему вокруг всегда так много машин? Куда все направляются? Иногда я подолгу размышляю об этом. Напряженное дорожное движение в этом городе с узкими улицами вечно приводит к ужасным пробкам вокруг городской администрации.

Восхитительные криптомерии[12 - Криптомерия японская – вечнозеленое дерево семейства кипарисовые; единственный вид рода криптомерия. Растение называют также японским кедром. Считается национальным деревом Японии.]. И сосны. Глубокая, насыщенная зелень, такая темная, что кажется черной. Зелень на грани с тьмой.

В такую жару даже вода в пруду выглядит тяжелой и застоявшейся.

Мы сейчас довольно высоко над уровнем моря. Представьте, какого труда раньше стоило добыть воду на такой высоте. Сейчас всем известно о принципе сифона[13 - Сифон – изогнутая трубка с коленами разной длины, по которой жидкость поступает из сосуда с более высоким уровнем в сосуд с более низким уровнем жидкости. Для обеспечения работоспособности сифон необходимо предварительно заполнить жидкостью.] для доставки воды из реки у подножия холма наверх, но, глядя на этот пруд, я сразу думаю о тех несчастных ремесленниках, которых, по легенде, лишили жизни, чтобы сохранить эту технологию в тайне. Не знаю, правда ли это, но меня притягивает именно пугающая правдоподобность этой истории.

Страх – это приправа, заставляющая нас поверить в правдоподобность. Правильное его количество способно сделать любую историю правдивой.

Вот что еще я помню.

Сразу после инцидента все девчонки в моем классе стали этим заниматься. Как думаете, чем?

Засушенные цветы. Всех захватила мода засушивать цветы коммелины[14 - Коммелина – типовой род однодольных цветковых растений, однолетних и многолетних трав семейства коммелиновые. Цвет лепестков обычно синий, но встречается также белая и розовая окраска. У большинства коммелин цветки недолговечны: раскрываются утром, увядают в течение одного дня.].

В тот день в стакане, которым преступник прижал письмо к столу, обнаружили цветок коммелины. Мои одноклассницы, все как одна, решили, что это оберег от зла. Они верили, что, если повсюду будут носить с собой закладку для книг с цветком на ней, то не станут следующей целью жестокого убийцы. Все бросились искать цветы коммелины. Для этого не было никаких логических оснований, но странных слухов в то время ходило много. Например, что цветок нужно было непременно высушить между страниц телефонного справочника или учебника по естествознанию, иначе эффекта не будет. А еще лучше завернуть цветы в газетный лист и спрятать кому-то под футон[15 - Футон – традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраца, расстилаемого на ночь для сна и убираемого утром в шкаф.], да так, чтобы человек не заметил – это сулит большую удачу. Тогда же одноклассница, с которой мы дружили, с серьезным видом вручила мне такую закладку с цветком, пообещав, что со мной ничего не случится, пока она при мне.

Да, детей это развлекало. И не только их – взрослые тоже были взбудоражены.

Конечно, произошедшее потрясло всех вокруг. Как нечто столь ужасное могло произойти в городе, где мы жили? Все были охвачены необъяснимым ужасом. Страх распространился подобно пожару, люди боялись собственной тени. Мы жили словно в бредовом сне, день за днем испытывая ужасное напряжение – с таким редко сталкиваешься в обычной жизни. В моих воспоминаниях о том времени навсегда останется всеобщее чувство причастности к чему-то большому и важному.

Вот почему я выбрала слово «фестиваль». Таким было мое впечатление.

«Забытый фестиваль». Я знаю, что многие осудили меня за такое название для книги. Но, пусть она и основана на фактах и расследовании, это все же вымысел. В моей памяти это было своего рода фестивалем.

Литература факта? Мне не нравится этот термин. Как бы автор ни старался придерживаться правдивого изложения, само понятия факта иллюзорно. Ему доступен лишь его собственный взгляд на факты, а глаза тоже могут обманывать. Слух и осязание лгут не реже. Думаю, существует лишь разница между правдивым вымыслом и ложным, понимаете?

Как же жарко! Пот застилает глаза. Блуза вся промокла, как некрасиво!

Сейчас сразу и не скажешь, но эта часть сада отведена под деревья сакуры[16 - Сакура – название нескольких деревьев подсемейства сливовые; зачастую обозначает вишню мелкопильчатую. Многие виды, называемые «сакурой», используются в культуре только как декоративные растения и либо не плодоносят вообще, либо дают мелкий и несъедобный плод.].

Сакура этим и необычна. Разве вы не узнаете другие деревья в любое время года? Легко отличить гинкго[17 - Гинкго – голосеменное реликтовое растение, часто называемое живым ископаемым. Род включает целый ряд ископаемых видов и только один современный вид гинкго двухлопастный. В Японии название дерева гинкго произносится как итё: это произношение появилось от китайского словосочетания «утиные лапки», так как листья дерева напоминают их по форме.], камелию, клен или иву. А деревья сакуры словно перестают существовать, когда не цветут. Кажется, лишь на период цветения все вокруг вспоминают их название, а затем вновь забывают.

Каждый участок парка объединен какой-то одной темой. Когда-то давно это считалось бы тематическим парком, прямо как Диснейленд.

Здесь участок побольше; на нем кто-то решил собрать коллекцию необычных, редких вещей.

Думаю, идея заключалась в том, чтобы собрать редкие деревья и камни в одном месте. На ум приходит слово «необычность» – это синоним слов «оригинальность» или даже «странность».

Пусть это всего лишь мое личное мнение, но «необычность» для меня является важной частью японской культуры. Она допускает самую возможность увидеть красоту в чем-то несовершенном, порой даже неприятном.

Холодно наблюдать за чем-то отталкивающим, чтобы отметить красоту его формы, не осуждая. «Необычность» предполагает загадочность и экзотичность, некий фантастический, уродливо-комический стиль злой шутки, резкого пробуждения или отстраненного взгляда.

Я хотела написать книгу через призму этой необычности. До сих пор не могу ответить на вопрос, получилось ли.

Да, больше у меня нет желания писать. Меня называли писателем-однодневкой, но я с самого начала планировала написать лишь одну книгу. Шумиха, поднявшаяся после ее выпуска, застала меня врасплох. Но я знала, что если буду вести себя скромно и затаюсь, то вскоре все позабудут обо мне. Во времена без интернета было гораздо сложнее узнать личные данные автора, да и средства массовой информации отнеслись ко всему прохладно. У меня было несколько способов пережить то время.

Я действительно чувствую удовлетворение после написания этой книги. Никто не знает всей правды. Было ли правдой то, что я написала? Не знаю, никогда об этом не думала.

V

Чем я занимаюсь сейчас? Ничем особенным. Я – домохозяйка, занятая воспитанием дочери; та в этом году пошла в младшую школу. Хотелось бы выйти на работу, но в моем возрасте меня без какой-либо специальности вряд ли куда-то возьмут. Мой муж не читает книг, предпочитает просматривать газеты. Познакомились мы, уже когда шумиха вокруг дела утихла, потому он вообще не

знает, что я написала книгу. Так даже лучше. Вряд ли он хоть раз замечал ее на нашей книжной полке.

Смотрите, с вершины холма можно как следует разглядеть! Раньше этот сад был частью замковых сооружений. Вон там гора Утацу, а там, у ее подножья, был увеселительный квартал.

В чем смысл моей жизни? Наверное, в том, чтобы увидеть, как моя дочь вырастет счастливым человеком.

Я никогда не мечтала о чем-то великом. Мне достаточно, чтобы наша семья была здорова и счастлива. Мирная, спокойная жизнь для нас троих. Кажется, нынче это становится все сложнее. Живя простой скромной жизнью, все равно рискуешь стать жертвой преступных действий или, например, заболеть из-за отравления. Привычный общественный уклад или бизнес-модель могут поменяться в мгновение ока – не успеешь оглянуться, как тебя погребет под огромной волной. Она поистине беспощадна! Она проносится, сметая все на своем пути, оставляя тебя с пустыми руками, несчастного и израненного.

Меня не захлестнуло волной. Она лишь промочила мне ноги. Но, несмотря на это, пока не дописала «Забытый фестиваль», я никак не могла избавиться от ее рокота и белой пены, особенно хорошо заметной в ночи.

После выхода книги я получала горы писем. Во многих меня критиковали, а в некоторых даже содержались угрозы. Но в основном это были письма сочувствия и поддержки. Меня захлестнуло ощущение, что сквозь строки этих писем сквозили растерянность и сомнение их авторов, тем больше уносимых волнами смятения, чем больше они пытались решить эту загадку. Письма помогли мне укрепиться в мысли, что с написанием книги работа для меня подошла к концу.

Нет, я совсем не это имела в виду. Конечно, на это не хватило бы и всей моей жизни, но веса этих писем было вполне достаточно, чтобы быть окончательно погребенной под ними.

А это известный каменный уличный фонарь котодзи в форме кобылки кото[18 - Кото – японский щипковый музыкальный инструмент, длинная цитра с подвижными кобылками. Наряду с флейтами хаяси и сякухати, барабаном цудзуми и лютней сямисэном относится к традиционным японским музыкальным инструментам.], он будто стоит на двух ножках. Его часто можно увидеть на открытках и в путеводителях.

С приходом зимы сосны здесь опутывают веревочные юкицури – их красота в геометрической правильности сходящихся у самой кромки неба идеально прямых линий.

В этом районе парка особенно много сосен и редких деревьев – воистину величественное зрелище.

Сад больше похож на доску для игры в кости сугороку[19 - Сугороку относится к двум различным формам японской настольной игры: бан-сугороку, которая похожа на нарды, и э-сугороку, которая похожа на западную «Змеи и лестницы».], чем на тематический парк. Исходная точка располагается на склоне Маюми. Есть вишневый сад, изгибающаяся река, мост через нее. Интересно, где тогда финиш?

А вы тоже любопытный человек, верно? Что же вы хотите узнать?

Все, что выяснила в процессе расследования, собрано в этой книге.

Я назвала ее «забытой» еще и потому, что читать ее станет, прямо скажем, разве что праздный человек с кучей свободного времени.

Как бы то ни было, расследование завершено. Подозреваемый найден, пусть и мертвым. Многие так и остались непонятым, но дело закрыто, и следствие давно прекращено.

Хоть я и называю это расследованием, я всего лишь слушала рассказы свидетелей и людей, связанных с делом. Это единственный метод, пришедший мне на ум, и положила руку на сердце единственное, на что я была способна.

Сейчас я вижу, насколько безрассудной, бесчувственной и неосмотрительной я была тогда. Глупой беззаботной студенткой. Люди еще помнили меня и моих братьев детьми, и мои искренность и неловкость, наверное, сыграли мне на руку.

С момента инцидента прошло десять лет, и у всех было достаточно времени, чтобы провести черту между собой и событиями прошлого. Настолько, что некоторые из них даже начали вспоминать те времена с ностальгией.

Сразу после произошедшего многие с раздражением реагировали на давление со стороны средств массовой информации и любопытствующих охотников за правдой. Однако, чем больше времени проходило, тем чаще они оглядывались назад и чувствовали сильное желание высказаться, но к тому моменту интерес к инциденту попросту выветрился. Другие, может, и хотели бы забыть о случившемся, но в то же время боялись этого.

Так что, можно сказать, я очень вовремя взялась за дело – подходящего момента было вполне достаточно, чтобы написать книгу.

Тогда мне невероятно везло. Если и есть в мире такая вещь, как судьба, она была явно на моей стороне в то лето четвертого курса в университете.

Да, сперва я собиралась написать ее вместо выпускной дипломной работы. Я изучала маркетинг и схватилась за внезапную идею исследовать разные виды устных опросов и анкетирования, чтобы выяснить, как в зависимости от формата меняется объем и содержание полученной информации.

Почему же я взялась за происшествие из своего детства? Даже сейчас не знаю ответ на этот вопрос. Но дело точно было не в маркетинге.

Решившись, я ни разу не усомнилась. Убедив друга помочь мне, принялась за письма и звонки свидетелям, а с мая по сентябрь четырежды приезжала сюда для личных интервью. Были те, с кем я встречалась в каждый приезд, и те, с кем говорила лишь однажды.

Регулярные визиты через равные промежутки времени показали себя весьма эффективными. Иногда моим собеседникам было сложно подобрать слова, даже если они и хотели мне что-то рассказать. Но стоило мне оставить их наедине с

самими собой, как они сразу что-то вспоминали. С каждым новым визитом оживало все больше воспоминаний. Порой я не могла вытянуть из человека ни словечка при личной встрече, но затем получала длинные письма с множеством интересных деталей.

Это было особенное лето.

Лето, когда произошли убийства, и то лето, в течение которого я опрашивала свидетелей, слились в моем сознании воедино.

Черeda белых дней. Два белых лета. Оба раза я жила словно в бредовом сне.

К моменту окончания интервью я была переполнена рассказами, которыми поделились со мной люди, и не могла даже думать о выпускной работе. Я была буквально одержима, и, стоило мне начать писать, я уже не понимала, что из этого выйдет – дипломная работа, роман или что-то совсем иное.

Проблемы начались сразу же, как я закончила писать. Написанное мной даже отдаленно не походило на выпускную работу, хотя заняло у меня все лето и абсолютно меня опустошило. Осознав всю серьезность своего положения, я была в ужасе. Не осталось ни времени, ни сил, чтобы написать новую работу.

И вот вдруг кто-то из моих товарищей по группе прознал о моей одержимости этим делом, а затем и преподаватель, прочитав мою работу, посоветовал мне защищать именно ее, а после и вовсе дал прочесть ее своему бывшему выпускнику, работнику издательства. Вот так стремительно она превратилась в книгу.

Сейчас это все похоже на сон. Не случилось все тогда, мы бы с вами не сидели сейчас здесь. Это была судьба.

VII

Мне особенно хорошо запомнилось, что сразу после произошедшего все взрослые вокруг говорили о сходстве с делом об убийствах в банке «Тэйгин»[20 -

26 января 1948 г. в отделение Императорского банка «Тэйгин» в пригороде Тосимы зашел мужчина в белом халате. Он назвался врачом, посланным американскими оккупационными властями для проведения вакцинации от дизентерии. Управляющий отделением банка поверил ему и вместе с остальными сотрудниками принял лекарство, принесенное неизвестным, которое на самом деле было раствором цианида. Принятое вещество стало смертельным для 11 сотрудников и ребенка одного из них, находившегося в банке в момент ограбления. Затем неизвестный забрал из кассы 164 тыс. иен наличными и чек на сумму 17,4 тыс. иен, после чего снял халат и покинул банк.]. Ребенком я, разумеется, ничего не знала об этом. Лишь в старшей школе, изучая японскую историю, наконец поняла, почему им так казалось. Дойдя до периода после Второй мировой войны, учителя начинают жутко спешить, чтобы уложиться в расписание, и для многих школьников этот период так и остается слепым пятном. Мне же куда больше нравилась именно новейшая история, и я по собственному желанию читала много книг.

Да, было что-то общее, но значительного сходства я не вижу.

Однажды появился неизвестный мужчина, который отравил множество людей. Вот и всё.

Массовое убийство в банке «Тэйгин» случилось сразу после войны, в период оккупации, за двадцать лет до описываемых мной событий.

Мужчина в белом халате, назвавшись врачом, убедил управляющего и сотрудников отделения императорского банка в том, что оккупационные власти направили его для проведения вакцинации от дизентерии. Выдав всем присутствующим по дозе принесенного с собой лекарства, он попросил их незамедлительно его принять.

Сейчас редко услышишь о дизентерии. Но тогда одного упоминания было достаточно.

Лекарство на деле оказалось смертельным ядом, и, пока жертвы корчились в агонии, преступник забрал из кассы банка деньги и скрылся. Из шестнадцати человек, принявших яд, двенадцать скончались.

Массовое отравление со множеством жертв – поразительное сходство. Во времена моего детства воспоминания о послевоенном времени были еще живы в памяти взрослых.

Способ убийства тоже совпал. В тот день отмечали два особо важных для любой японской семьи события – хозяину дома, доктору Аосава, исполнялось шестьдесят, а его матери – восемьдесят восемь. Все в округе знали, что в семье Аосава у представителей трех поколений день рождения выпадал на один день. Потому никому не показалось странным, что саке доставили в качестве подарка. Для детей предусмотрительно добавили баночки с соком, отправителем значился друг доктора из другой префектуры, и ни у кого не возникло никаких подозрений. Никто и помыслить не мог, что все напитки отравлены. Их раздали всем присутствующим для тоста.

Зрелище было ужасным. Соседи, заглянувшие на праздник, и торговец, оказавшийся там случайно, тоже стали жертвами. Всего погибли семнадцать человек, из них шестеро детей. В семье Аосава было трое детей, соседские ребята также пришли на праздник угоститься и поиграть.

Мой брат тоже едва не стал жертвой. Он был беспокойным ребенком, не способным долго усидеть на одном месте – в тот день это стало его спасением. Ему выдали баночку сока, но он был так взволнован, что, не открыв ее, прибежал за мной и нашим братом, чтобы тоже позвать нас на праздник.

Придя туда, мы застали сцену из ада[21 - В оригинале упоминаются «два из восьми видов ада» в буддизме – круги горячего ада, где преступники бесконечно палятся на постоянном огне, что сопровождается их страшными мучениями, криками и стонами.]. Повсюду в жуткой агонии корчились люди. Сперва мы не поняли, что происходит, не поняли, что они страдают. Могло показаться, что все движутся в странном праздничном танце. Повсюду была рвота, в воздухе стоял кислый запах, зловоние окутывало все вплоть до входа в дом.

Мы еще долго не могли избавиться от этого запаха. Брат несколько лет не мог пить сок – одного взгляда на него хватало, чтоб ему делалось дурно.

Старший брат первым понял, что произошло нечто ужасное, и бросился в полицию. Я и мой второй брат, Дзюндзи, были так напуганы, что помчались домой рассказать о случившемся матери.

Мгновенно начался переполох.

Узкий подъезд к дому был перекрыт машинами полиции и «Скорой помощи», отовсюду сбежались любопытные зеваки. Все это напоминало фестивальное шествие. Укрывшись, мы крепко держались за маму, пока весь город снаружи захлестнул рев, бушевавший вокруг нашего дома, ставшего похожим на лодку посреди океана. Помню, мне казалось, что нас уносит толпой, словно бурным течением.

Говорят, что в чрезвычайных обстоятельствах даже воздух меняет цвет.

В тот день воздух будто разделился на два слоя – тяжелый и мрачный, скопившийся внизу, и легкий искрящийся воздух над ним, словно переливающийся на свету. Об тяжелый воздух у ног, казалось, можно было споткнуться, в то время как сверху кто-то высасывал его через трубочку, поднимая все выше. Нет, я все равно не смогу вам этого объяснить.

Это был такой же день в конце лета, прямо как сегодня. Жаркий, влажный и безветренный.

Но лето и не думало кончаться в тот год. Из-за одного дня лето для многих из нас так и не кончилось.

VIII

Осторожнее! Если присмотреться, вы увидите, что над землей натянута тонкая сетка. Все для того, чтобы защитить мох. Это не газон, а редкий красивый мох. От птиц она тоже хорошо защищает – крупные птицы не могут на нее сесть.

Деревянное здание вон там – вилла Сейсонкаку[22 - Сейсонкаку – большая японская вилла в городе Канадзава, построенная в 1863 г. Маэдой Нариясу, даймё клана Кага, в качестве дома для его пожилой матери – Синрю-ина. Коллекция ее личных вещей и сама вилла сейчас открыты для публики.], объект культурного наследия. Даймё[23 - Даймё – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии. Если считать, что класс самураев был элитой японского

общества X–XIX вв., то даймё – элита среди самураев. Сословие возникло одновременно с появлением устойчивой военной прослойки – буси – в IX–XI вв.] клана Кага построил ее для своей матери, чтобы она встретила беззаботную старость. Здесь весьма интересно, давайте зайдём внутрь!

Японские традиционные дома всегда такие темные. Дома моего детства все были такими. Я прекрасно помню мрачную бабушкину гостиную, темную даже в полуденное время. Атмосфера дома, пропитанная кисло-сладкой смесью запахов благовоний, лекарств и стряпни с кухни, всегда нагоняла на меня беспричинную тоску.

Здесь довольно прохладно. Прохлада прямо оживляет. И пот сразу высох, какое облегчение... Но зимой здесь, конечно, по-другому; холодный воздух карабкается по ногам. Раньше люди здесь, должно быть, промерзали до костей.

Говорят, на расследование того дела из столицы префектуры прислали больше сотни полицейских. Это неудивительно: весь город был охвачен паникой. Людей по соседству допрашивали так часто, что они были измучены. Наша мама в один момент стала очень нервной. Она не разрешала нам есть покупные сладости или пить напитки вне дома – только заваренный дома зеленый чай. Полагаю, так делали во всех семьях, где были дети.

На тот момент я училась в пятом классе начальной школы, а мои братья-погодки перешли во второй и третий класс средней школы.

Нас неоднократно вызывали на допросы, главный следователь и женщина-полицейский приходили к нам домой и раз за разом слушали один и тот же рассказ. Младшего из братьев, Дзюндзи, опрашивали чаще нас, ведь он в тот день был на месте преступления. Даже для такого общительного ребенка, как мой брат, это было очень утомительно. Разумеется, я понимаю полицейских. Почти все, кто находился в тот день на празднике, погибли, а к выжившим в больницу их еще какое-то время не пускали врачи.

Поскольку преступник ничего не забрал из дома, первой версией полиции было убийство из мести. Однако следствие довольно быстро зашло в тупик, ведь Аосава были весьма уважаемой семьей потомственных докторов, и вряд ли нашелся бы человек, затаивший на них злобу.

Атмосфера стала очень накаленной. Несмотря на невероятные усилия со стороны полиции и содействие утомленных допросами горожан, психологический портрет преступника оставался неясен. И полиция, и жители города испытывали ужасное напряжение.

Все были очень раздражены. Человек, совершивший массовое убийство, был среди нас, но мы не видели его лица, не знали, кто он. Лишь то, что он где-то рядом.

Разумеется, он был рядом все это время.

Мужчина в черной бейсболке и желтом непромокаемом плаще-дождевике.

Можно сказать, он стал весьма узнаваемым, но никто так и не видел его лица. Полиция составила фоторобот, опираясь на многочисленные описания очевидцев, но он оказался абсолютно бесполезен.

Мужчина на мотоцикле службы доставки, загруженном коробкой с саке.

Он не был похож на доставщика из магазина поблизости, но выглядел вполне убедительно, утверждая, что привез оплаченный заказ. Как я уже упоминала, у доктора Аосава не возникло сомнений, ведь отправителем был назван его друг со времен медицинской школы, глава больницы в префектуре Ямагата.

Да, в тот день шел дождь. Надвигался фронт низкого атмосферного давления, ветер нагнал дождевые тучи. Никто не удивился тому, что лицо мужчины было скрыто одеждой.

Желтый дождевик был найден на следующий день ниже по течению реки. Должно быть, тот, кто доставил саке, сразу же выкинул его. Кроме него и того странного письма, преступник не оставил никаких улик.

В то белое лето все были словно подвешены в воздухе. Даже детективы, бродившие по городу в последние теплые дни лета.

Чем больше затягивалось расследование, тем более изможденными и подавленными становились все вокруг.

Дом Аосава, в один день трагически потерявший почти всех обитателей, казалось, начал рассыпаться. Я часто тайком ходила мимо того дома, и он всегда выглядел совершенно затихшим. Несмотря на то, что родственники из Фукуи и Осаки приехали, чтобы уладить дела семьи, совершенно не ощущалось хоть каких-то признаков жизни.

После убийства место стало своего рода домом с привидениями[24 - Юрэйясики – «дом, с привидениями, нехороший дом», букв. «дом, в котором живут духи» – часто злые, мстительные духи «юрэй», появившиеся из-за скопившихся негативных эмоций или переживаний, трагических обстоятельств или насильственной смерти.], и все обходили его стороной.

Но, естественно, он не был необитаем.

Она продолжала жить в нем. Она и те, кто за ней присматривал.

Я много раз замечала ее силуэт в окне дома. Она, конечно, не могла меня увидеть, но я старалась побыстрее скрыться.

У входа в тот дом росло большое дерево индийской сирени. С приходом лета оно цвело великолепными белыми цветами. Обычно на ум приходят красные цветы, как бумажные украшения для спортивных праздников, но цветы этого дерева были белоснежными.

Помню, проходя мимо дома, я всегда засматривалась на эти цветы.

Возможно, именно поэтому то лето в моем сознании еще больше связано с белым цветом.

Мне кажется, расследование наконец сдвинулось с мертвой точки в конце октября.

Поводом послужило самоубийство мужчины.

Он повесился в съемной квартире.

Домовладелец обнаружил тело и предсмертную записку и сразу же позвонил в полицию.

В предсмертной записке мужчина признал свою вину за массовое отравление в доме Аосава. По его словам, он долгие годы страдал от необъяснимых головных болей, бессонницы и бредовых идей. Стало также известно, что он проходил лечение в психиатрической клинике. Он сознался в том, что доставил яд в дом Аосава после того, как получил указание убить всех членов этой семьи. Сперва полиция не отнеслась к этому серьезно. К тому моменту уже было несколько человек, сделавших похожие заявления. Однако все изменилось, когда они обнаружили в шкафу его жилища черную кепку, ключи от мотоцикла и следы того же пестицида, которым отравили семью.

Самым убедительным доводом стало совпадение его отпечатков пальцев с теми, что были обнаружены на месте преступления – на письме и стакане, которым оно было прижато. В ту же секунду полиция и средства массовой информации оживились! Люди вокруг были взволнованы тем, что виновный наконец найден. Однако преступник был уже мертв, и это оживление продлилось недолго.

Поле долгого застоя наступила скучная развязка.

Люди действительно вздохнули с облегчением, но, с другой стороны, многих охватило отчаяние. Чувство нестерпимой пустоты.

Все успокоились, узнав, что преступник не был кем-то из их окружения – знакомым или соседом, затаившим смертельную обиду на семью Аосава. Но мы никак не могли понять, почему же, в таком случае, вся семья была так жестоко убита? Как абсурдно и бессмысленно то, что из-за бредовых идей одного

человека погибает так много невинных людей! После раскрытия этого дела многие соседи впали в депрессию. Куда проще понять случившееся, когда у преступника есть понятный четкий мотив.

Когда все закончилось, многие люди так и остались словно бы подвешенными в воздухе. Многие даже сомневались, что совершивший самоубийство мужчина был тем самым преступником.

Самой большой загадкой была связь между ним и семьей Аосава. Он никогда не жил с ними по соседству и, возможно, даже не был лично знаком с ними. В конце концов, все решили, что он был как-то косвенно связан с клиникой Аосава, крупным и известным заведением, реклама которого могла попасться ему на глаза.

Было также неясно, откуда он узнал имя друга доктора Аосава из Ямагаты. Было очевидно, что тот не причастен к преступлению, он также не был никоим образом связан с преступником. Еще одна неразгаданная загадка.

Говорили даже, что единственным доказанным фактом было то, что мужчина просто доставил sake, а яд в него мог предварительно добавить уже другой человек.

Люди, знавшие его лично, описывали мужчину как неуверенного в себе, доверчивого и внушаемого человека, страдавшего от многолетних проблем со здоровьем.

Некоторые говорили, что его могли с легкостью убедить в его виновности и подстроить все так, чтобы полиция обнаружила яд и бейсбольную кепку в его комнате.

Но это были лишь предположения, не подкрепленные доказательствами. Поэтому в конце концов все решили, что совершивший самоубийство мужчина и есть преступник.

Посмотрите, какое восхитительное здание.

Для дома в японском стиле у него довольно высокие потолки, да и лестница шире обычного.

И сад просто великолепен.

Наружная кромка веранды энгава[25 - Энгава, или эн – дощатый либо бамбуковый настил без татами по периметру японского дома, связывающий его с садом.] словно подвешена в воздухе – если не присматриваться, горизонтальную балку опоры можно и не заметить. Как приятно было бы укрыться здесь в прохладе и подремать...

Каково мое мнение? Я не знаю правды. Я даже не уверена, что совершивший самоубийство мужчина действительно был тем самым преступником. Хотя он и был, очевидно, как-то связан с преступлением.

В «Забытом фестивале» я намеренно оставила концовку открытой. Меня много критиковали за это, но я сама так и не пришла к какому-то заключению – не думаю, что вообще смогла бы.

Надеюсь, что не введу вас в заблуждение, сказав, что с моей точки зрения подобное, выходящее за рамки человеческого понимания, происшествие можно назвать несчастным случаем, ужасным совпадением.

В какой-то момент все начинает катиться под гору, по пути ускоряясь и набирая критическую массу, подобно снежному кому. В мгновение ока он становится таким большим, что способен скосить любого, оказавшегося у подножия. В центре этого кома, конечно же, обычно сокрыты человеческие интриги и подавленные эмоции, но я искренне верю, что ужасные события – настолько ужасные, что превосходят любые людские замыслы – действительно могут быть запущены чередой случайностей. Подобные бедствия служат очередным напоминанием о мелочности человеческой природы.

Мне кажется, то преступление стало именно таким событием.

Посмотрите на эту комнату. Такое изящество на небольшой площади...

Ее еще называют ультрамариновой комнатой, из-за ярко-синих стен. Ляпис-лазурь[26 - Ляпис-лазурь – также лазуревый камень или лазурит, реже бухарский камень – сульфатсодержащий непрозрачный минерал от синего до голубовато-серого или зеленовато-серого цвета. Лучшими считают камни сочного синего цвета или сине-фиолетовые, а также насыщенно-голубые. «Ляпис-лазурью» назывались только плотные и однородно окрашенные темно-синие разновидности лазурита лучшего качества, пригодные для ювелирных вставок и декоративно-прикладных изделий.]. Говорят, его использовали даже в Древнем Египте. Переработка этого драгоценного камня в пигмент для красок была сложным и очень дорогостоящим процессом.

Ёсида Кэнити[27 - Кенити, Ёсида (1912–1977) – японский писатель и литературный критик эпохи Сёва, удостоенный множества престижных литературных премий.], описывая в своих научных работах наш город, упоминал и эту комнату. По его словам, замысел заключался в том, чтобы по пути на второй этаж мимо комнат, устланных татами, ваш взгляд уже из конца коридора падал на ярко-синие стены, словно подсвеченные падающими на них лучами солнца.

Уж не знаю, насколько это был продуманный ход, но в городе, где стены большинства старых домов окрашены в темно-красный, синий цвет выглядит причудливо.

Зимой свет не достает дальше той стены. Эта необычная комната почему-то внушает чувство беспокойства.

Когда ее, ту самую Хисако, впервые опрашивали о произошедшем, она ни с того ни с сего начала говорить об этой комнате. О чем бы та женщина-полицейский ее ни спросила, Хисако была так потрясена, что продолжала говорить только об увиденном в детстве.

Полагаю, так и было. Одна посреди какофонии криков и стонов умирающих вокруг нее близких, она напряженно вслушивалась, но некому было объяснить

ей, что происходит. Из всех членов семьи она была единственной, кто выжил. Сложно представить что-то ужаснее.

Хисако Аосава. На тот момент ей было около двенадцати, она только что перешла в среднюю школу.

Хисако была очень красива.

Перед поступлением в среднюю школу ее длинные прямые волосы были коротко подстрижены; прическа ей очень шла и делала похожей на японскую куклу. Это только усилило контраст между черными как смоль волосами и гладкой бледной кожей. К тому же, умная, со спокойным характером, она была объектом восхищения всех соседских детей. Мои братья ее просто боготворили.

Однако Хисако страдала недугом, который называют аутоинтоксикацией организма[28 - Эндогенная интоксикация (аутоинтоксикация) представляет собой самоотравление организма продуктами метаболизма. Это могут быть продукты как самого организма, там и микроорганизмов, которые составляют его естественную микрофлору.]. Довольно часто она бледнела без причины и была вынуждена прилечь. Порой даже пропускала школу, но учителя смотрели на это сквозь пальцы – ведь, в конце концов, училась она хорошо.

Аутоинтоксикация. Говорят, так часто бывает у детей с нарушениями вегетативной нервной системы[29 - Вегетативная нервная система – отдел нервной системы, регулирующий деятельность внутренних органов, желез внутренней и внешней секреции, кровеносных и лимфатических сосудов. Играет ведущую роль в поддержании постоянства внутренней среды организма и в приспособительных реакциях.]. Как при преэклампсии[30 - Преэклампсия – тяжелый токсикоз второй половины беременности, когда организм беременной женщины перестает справляться с повышенной нагрузкой.] у беременных, тело начинает производить токсины, отравляющие организм. Хисако сказала, что в тот день сидела в своем плетеном кресле с подлокотниками, поскольку совершенно выбилась из сил. Поразительно, как небольшие события могут вершить судьбы. Из-за недуга, от которого она страдала долгие годы, Хисако не притронулась к еде в тот день, и это ее спасло.

Должна сказать, это тоже было в ее стиле. Она, несомненно, тяжело переживала болезнь, но болезненность была ей к лицу, создавала вокруг нее

притягательную атмосферу. Она отлично смотрелась в роли юной наследницы богатого дома Аосава.

Может быть, это прозвучит бесчувственно и резко, но, на мой взгляд, даже последствия столь ужасающей трагедии гармонировали с ее образом. Трагедия выжившего. Хисако была создана для этой роли. Никто не сказал этого вслух, но, кажется, все соседские дети в глубине души думали так же. Она была трагической героиней, навсегда оставшейся в нашей памяти благодаря этому ужасному преступлению.

XIII

За все время работы над «Забытым фестивалем» я лишь однажды встречалась с Хисако.

После случившегося она долго жила в том доме, но встретились мы, только когда Хисако решила его покинуть.

Она собиралась выйти замуж. С женихом, приехавшим на учебу немцем, Хисако познакомилась в аспирантуре, и после свадьбы они должны были переехать в Америку, где ему предложили должность. Наверняка будущий муж намеревался обратиться за помощью к лучшим врачам в Америке в надежде вылечить ее глаза.

Она была очень рада со мной встретиться, и мы провели вместе целый день.

Все, о чем мы говорили в тот день, легло в основу «Забытого фестиваля».

Хисако обладала феноменальной памятью. Она помнила все, о чем слышала, и все, к чему прикасалась в тот день. Даже спустя десять лет ее воспоминания о том дне были поразительно четкими. Настолько, что, казалось, я сама могла мысленно воспроизвести события, которые она пережила.

Возможно, если б Хисако могла видеть, все было бы иначе. Если б она могла увидеть преступника, то дело раскрыли бы гораздо раньше. Она слышала чьи-то

шаги на кухне. Слышала, как кто-то положил письмо на стол и прижал его стаканом. С ее способностями она бы точно рассмотрела и запомнила лицо преступника.

Если б только она могла видеть...

Похоже, Хисако тоже размышляла о подобном.

Наверное, она не смогла бы это пережить. Если б она могла видеть ужасные страдания умирающих вокруг нее близких, это ее попросту раздавило бы.

По словам Хисако, каждый божий день ее разрывало на части ужасное противоречие. С одной стороны, будь она зрячей, преступник был бы пойман гораздо раньше, но, с другой, подобное зрелище лишило бы ее способности продолжать жить. Кроме того, она так же могла выпить яд или быть убитой преступником!

Кто знает, чем все могло кончиться...

Все-таки это была судьба.

XIV

Хисако лишилась зрения незадолго до поступления в начальную школу. Я не знаю подробностей, но, по всей видимости, упав с качелей, она сильно ударилась затылком. В результате травмы началась лихорадка, температура все поднималась, а зрение постепенно угасало.

Родители отчаянно боролись со временем, обращались к лучшим докторам в Токио, но никто из них не смог помочь вернуть их дочери способность видеть.

Хисако, однако, не падала духом, и, будучи умным и жизнелюбивым ребенком, довольно быстро научилась жить без зрения. Она, казалось, и вовсе не осознавала своих ограничений. Окажись вы рядом, тоже заметили бы, как, побыв с ней, ограниченными себя начинали чувствовать зрячие.

Она никогда не ходила в специальную школу для слепых. Родители приложили все усилия, чтобы отправить ее учиться вместе с обычными детьми. Хисако досконально запомнила планировку школы и в мельчайших деталях помнила дорогу до нее, уверенно преодолевая этот путь каждый день. А ее навыки устного счета и скорость в работе со счётами соробан[31 - Соробан – японские счёты. В настоящее время соробан продолжает использоваться преимущественно для обучения счету в начальной школе. Этот подход имеет ряд педагогических преимуществ по сравнению с обучением счету на бумаге и калькуляторе.] заставляли поневоле задуматься, чего она достигла бы, обладая зрением.

Ее всегда окружала тайна.

У меня даже несколько раз возникали сомнения, а правда ли она слепая? Находясь с ней в одной комнате, можно было заметить, как Хисако с поразительной быстротой подмечает изменения в выражениях лиц окружающих или происходящее вокруг. Казалось, несмотря на слепоту, она видит всех насквозь. Взрослые тоже часто об этом говорили.

Иногда она говорила очень странные вещи.

Например, часто задумчиво произносила: «После потери зрения я наконец смогла видеть».

Или ненароком говорила: «Я словно могу видеть руками, ушами или даже лбом». Помню, я содрогнулась, услышав это.

Потому-то я много раз собиралась навестить ее в том доме после случившегося, чтобы расспросить обо всем. Должно быть, она видела все, что тогда произошло.

Она должна была знать, кто на самом деле преступник.

Я не знаю, где сейчас Хисако. Наверное, по-прежнему живет за границей.

Во время моей работы над «Забытым фестивалем» мы какое-то время переписывались, но потом потеряли связь. Зная ее, я не сомневаюсь, что все в ее жизни сложилось наилучшим образом. Возможно, она даже смогла вернуть себе зрение. Мне хочется думать, что ее глаза вновь обрели возможность видеть окружающий мир. Потому у меня нет желания выяснять, так ли это на самом деле.

На улице и правда очень жарко. Близится время закрытия парка, но жара и не думает спадать. Мой платок уже насквозь промок.

Какое письмо? А, та история с письмом...

Это так и осталось тайной. Кому и зачем было адресовано то послание? В чем был его смысл и кто такая Юджиния – неизвестно до сих пор.

Во-первых, нет доказательств того, что письмо оставил преступник. Почерк автора проанализировали, но эксперты не смогли выяснить, была ли травмирована рука, которой его написали. Несомненно, его отпечатки были на письме, но сложно сказать, из-за того ли, что он был его автором, или попросту случайно прикоснулся к нему, доставляя sake.

В конце концов все посчитали это письмо лишь подтверждением его сумасбродных идей.

Юджиния...

Имя не слишком распространенное, так что, должно быть, это какая-то цитата или отсылка. Но, несмотря на тщательное расследование, полиция так и не смогла выяснить, на кого оно указывает.

Я не уверена, что письмо вообще было получено предполагаемым адресатом.

Это навсегда останется тайной.

Вдруг пошел дождь. Дождь здесь всегда подкрадывается к тебе, прежде чем ты заметишь, как вокруг все потемнело. Где бы нам укрыться?

Крупные капли. Такой дождь не должен продлиться долго.

Судьба. В этом мире все завязано на судьбе.

Сегодня со мной приключилось занятное совпадение.

Когда я прибыла на станцию, мне показалось, что в толпе мелькнуло знакомое лицо. Кажется, мы сразу узнали друг друга, но так и не смогли вспомнить имена.

Мы обе застыли на какое-то время, а затем одновременно вспомнили.

Это была женщина-полицейский, помогавшая работать над тем делом. Она собирала показания женщин и детей.

Меня тут же захлестнули воспоминания. Она, должно быть, уже на пенсии...

Мы перебросились парой фраз, и она вдруг заговорила о деталях первого допроса, который проводила с Хисако Аосава. Я не знала о них, когда писала «Забытый фестиваль».

Это касалось того разговора о белых цветах индийской сирени.

Это был шок – для меня, конечно. Я была потрясена, узнав, что сразу после произошедшего Хисако рассказала полицейским о синей комнате и тех белых цветах.

Знай я об этом раньше, «Забытый фестиваль» получился бы совсем иным.

Так что же именно вы хотите знать?

Хотите использовать мой «Забытый фестиваль» для того, чтобы написать свою книгу?

Мне переписать «Забытый фестиваль»?

Что ж, я могла бы написать еще одну книгу, но она принадлежала бы лишь мне, а не вам. И уж точно я не стала бы вновь писать о том же.

Настоящий преступник? Нет, я говорила не об этом... Ну, я не уверена. Я правда не знаю.

В сущности, все очень просто.

Когда в доме, где живут десять человек, неожиданно погибают девять и выживает один, кто же преступник? Это вам не детектив. Ответ прост: преступник – выживший.

Вот о чем я.

Преступник – Хисако?

Не знаю, что и думать. Не могу ни подтвердить это, ни опровергнуть. Нет доказательств или оснований это утверждать. Однако после сегодняшних открытий я могу сказать одно – выживший и есть преступник. Вот и всё.

Как же жарко! Поглядите, какие огромные капли! Не похоже, что дождь прекратится в ближайшее время. Он словно только взбалтывает горячий воздух.

Ужасная жара.

Сколько еще ее терпеть?

Холм и две реки

I

Последний раз я гулял вдоль этой реки очень давно.

Влажность сейчас просто невероятная.

Сегодня очень душно, прямо как в сауне. Уже одно это ощущение жа?ра на коже оживляет яркие воспоминания.

На мой взгляд, этот город ничуть не изменился за все это время, хотя, с другой стороны, я чувствую себя здесь по-другому. Честно говоря, я мало что помню. Я был самым простым студентом, отнюдь не философом.

Когда же цель моих путешествий начала меняться?

По молодости я путешествовал, чтобы увидеть то, чего не видел раньше. Дайте мне что-то новое, что-то редкое, что-то любопытное – я отправлюсь куда угодно.

Окончив университет, я был так поглощен работой, что перестал искать новые впечатления. Я скорее не хотел видеть то, на что и так был вынужден смотреть каждый день, – можно сказать, старался сбежать от обыденности.

Затем, по прошествии какого-то времени, я вновь начал путешествовать, чтобы увидеть то, о чем мечтал, – это не обязательно было что-то реальное, осязаемое. Я хотел вернуться к вещам, оставшимся в моей памяти, искал то, что я когда-то уже видел. Виды из детства, ностальгические чувства.

Наверное, поэтому я снова здесь. Я и подумать не мог, что окажусь в этом городе не по работе, а в погоне за воспоминаниями.

Небо низкое и пасмурное. Можно подумать, оно вот-вот заплачет.

Смотрите, а вот и дождь.

II

Макико Сайга? Давно я не слышал это имя.

В университете она училась на год старше меня. Мы состояли в одном клубе – Клубе путешественников. На самом деле это была просто компания молодых людей одного возраста, которые часто вместе играли в теннис, катались на лыжах или проводили время в общем кругу – это мы и называли путешествиями. В клубе состояли несколько десятков человек; иногда мы организовывали групповые поездки. Группы по пять-шесть увлеченных какой-то темой друзей отправлялись в небольшие путешествия – например, посетить объект культурного наследия, изучить строения начала периода Сёва. Я любил побродить, поэтому часто присоединялся к ним. Макико Сайга, как и я, бывала частью этих групп.

Мое мнение? Она была очень зрелой. Я бы сказал, спокойной и тихой, в хорошем смысле слова. Казалось, Макико всегда наблюдала за всеми издалека. В разговоре не перехватывала инициативу и не была душой компании: сперва, казалось, она просто важничает, но, однажды поговорив с ней, я понял, что она бесхитростна и прямолинейна. Однако изредка, когда она была крайне взволнована, вдруг начинала тараторить без остановки, как автомат. Это, на контрасте с ее обычным спокойным состоянием, ошеломяло.

Она сейчас в Токио? Значит, родила дочь? И кто ее муж?

А, значит, это не тот парень, с которым она встречалась в университете.

Парень, с которым она встречалась? Я его никогда не видел, но, кажется, он учился с нами в одном университете. Похоже, они были из одной группы. Да, я слышал, начали встречаться на втором курсе, а после выпуска сразу поженились. Значит, это были просто слухи. Слухи всегда живут своей

отдельной жизнью.

Почему она попросила о помощи именно меня? Что ж, я даже сейчас точно не знаю.

Это не назовешь серьезной помощью, да и я наверняка не был незаменим. Возможно, она решила, что у меня просто есть на это время. Возможно, потому что я сам был родом из Ниигаты, а это недалеко от К., пусть я и не бывал там ни разу.

В основном я занимался тем, что носил оборудование – если можно так назвать магнитофон и папку с документами, которые я всюду таскал с собой. Ну, тогда как раз выпустили переносные модели с функцией записи. А еще я помогал расшифровывать интервью.

Это было довольно трудно. Записывать нужно все слово в слово, а расслышать что-то временами было мучительно сложно. Особенно рассказы старшего поколения – я долго бился над тем, чтобы разобрать, что они говорят, пока уши не привыкли к местному говору. Я тоже из региона Хокурику[32 - Регион Хокурику расположен в северо-западной части Хонсю, крупнейшего из островов Японии. Он тянется вдоль Японского моря, входя в состав более крупного региона Тюбу. Регион Хокурику включает в себя 4 префектуры: Исикава, Фукуи, Ниигата и Тояма.], но здесь даже в соседних городах могут быть разные диалекты, свои словечки, а у пожилых людей есть к ним особая склонность.

Было трудно, но задача выглядела очень интересной.

На тот момент прошло больше десяти лет после инцидента. Спустя столько времени это происшествие стало больше похоже на притчу или городскую легенду, если можно так сказать. Простите, это, конечно, не лучшее слово для описания тех ужасных убийств. Они оказали сильнейшее влияние на всех выживших и очевидцев, на всех жителей города.

Однако по прошествии времени люди, которых множество раз допрашивали, смогли наконец оставить это в прошлом. В процессе переживания многие каким-то образом смогли создать свою версию событий – раз за разом вспоминая и рассказывая об этом, они все время что-то подправляли, улучшали и систематизировали. Возможно, поэтому было так увлекательно слушать их, как

казалось, отрепетированные рассказы.

Интереснее всего были разные версии одних и тех событий от разных людей – это заставляло задуматься о том, насколько эфемерной может быть реальность.

Люди искренне верят в то, что их слова – это фактическое описание увиденных ими событий, но мало кто задумывается над тем, как все-таки сложно достоверно описать то, что ты видел. Это скорее невозможно. Убеждения, уловки восприятия и памяти разных людей формируют совсем разные описания одних и тех же событий. Знания, полученное образование и даже черты характера неизбежно влияют на их точку зрения на произошедшее, создавая когнитивные искажения.

Поэтому, кажется, абсолютно невозможно узнать, что же произошло на самом деле. Исходя из этого, необходимо признать, что все написанное в учебниках или газетах не более чем общий знаменатель – информация, совпавшая во всех доступных источниках. Наверняка всем известно, кто кого убил, но даже непосредственные участники вряд ли осознают все факторы и условия, приведшие к событию. Другими словами, правду знает только всевидящий бог – если он, конечно, существует.

Помню, придя к такому заключению, я сильно расстроился. Я ведь изучал право. Оказалось, очень самонадеянно было верить, что человек может судить другого, опираясь на достоверные факты – их, выходит, и вовсе не существует.

У меня тоже остались воспоминания об убийствах, но я тогда учился в начальной школе, и они сводились к тому, что все взрослые были крайне взволнованы, потому что произошло нечто столь ужасное.

Согласившись помочь Сайге, я решил изучить газеты того периода, чтобы разобраться с хронологией событий. Однако она сочла это абсолютно необязательным, поскольку хотела избежать любой предвзятости в расследовании. Так что я не посвящал этому много времени и сил. Сайга выдавала мне не только деньги на проезд и питание, но и каждый день платила жалованье, так что для меня это была своего рода подработка в небольшой поездке.

Сайга какое-то время сама подрабатывала, чтобы профинансировать это исследование, – правила домашние задания, работала в магазинчике, торговавшем бэнто[33 - Бэнто – обед на вынос, однопорционная упакованная еда. Традиционно бэнто включает в себя рис, рыбу или мясо и один или несколько видов нарезанных сырых или маринованных овощей в одной коробке с крышкой.]. Она приступила к работе и ни секунды не сомневалась, стоило ей принять решение. Сайга даже рассчитала точное количество рабочих часов, необходимых, чтобы заработать нужную сумму.

Мы остановились в гостевом доме минсюку[34 - Минсюку – бюджетный вариант японской гостиницы, в которой прием гостей не является основной специальностью – зачастую это просто несколько комнат в традиционном японском доме, сдаваемые хозяевами под ночлег для проезжающих путешественников; наиболее распространены в сельских регионах Японии, особенно в деревнях, слишком незначительных для полноценной гостиницы или рёкана.] – в разных комнатах, разумеется. Мы много раз возвращались в К. и каждый раз останавливались в одном и том же гостевом доме у станции. Практически каждую ночь мы проводили вдвоем за расшифровкой интервью. Хозяева наверняка приняли нас за исследователей местного фольклора.

Да, расшифровывать было очень трудно.

Час или два, казалось, пролетали незаметно, но это крайне утомляло. В день мы опрашивали несколько человек, и кассеты все продолжали копиться. Было важно хоть в общих чертах записать каждый рассказ, ведь по возвращении в Токио практически не получалось найти нужное место на записи. Это походило на зубрежку перед экзаменом – помню, я точно так же ездил в Токио и обратно, сдавая вступительные экзамены в университет. Я приезжал в столицу и занимался, не отрываясь, ровно до того самого момента, как нужно было отправляться на экзамен.

Сайга была предельно серьезна. Не припомню, чтобы она говорила без необходимости. В конце дня, закончив трудиться, мы могли немного поговорить перед сном, открыв баночку пива. Вот что я помню.

Да, должен признаться, я был тогда увлечен этой девушкой.

Это были не совсем романтические чувства – скорее, желание поближе узнать ее, понять, о чем она думает.

Макико не была красавицей, но ее точно сложно было не заметить – такая девушка словно излучает особую атмосферу. Думаю, мужчины вокруг это чувствовали.

Подруги? Не думаю, что они у нее были. Казалось, к другим женщинам в компании она относилась холодно и немного пренебрежительно, а если ей нужна была помощь, то напрямую обращалась к мужчинам. Помню, она говорила что-то о том, что мужчины более прямолинейны и с ними проще общаться.

Но я бы не сказал, что Макико была из женщин, гонявшихся за мужчинами, или из тех, что начинают сердиться, если окружающие не носят их на руках.

Не была она и девчонкой-сорванцом, которая с детства дружит с мальчиками, – из тех, что считают девочек слишком скучными и зажатými, и предпочитают мужскую компанию. Такие девчонки в глубине души обычно оказываются куда женственнее своих сверстниц.

Это точно не про Сайгу. Она была очень сухой. Окружающие девушки не видели в ней соперницу – скорее, человека сдержанного и неэмоционального, с другими, отличными от их, ценностями.

Мое мнение о ней? Она никому не доверяла.

У нее точно не было никакого желания участвовать во всех этих девчачьих играх и спорах, быть частью женской компании. Казалось, ей не нравится сама идея командной работы, необходимость делать что-то вместе. По моим наблюдениям, пусть она и не доверяла никому, в ситуациях, требовавших социального взаимодействия с другими людьми, Макико всегда предпочитала мужчин женщинам. Любую помощь она не воспринимала как одолжение, а старалась непременно отплатить – выстроить взаимовыгодный обмен.

Возможно, поэтому Сайга и выбрала меня. Со мной было проще сработаться, и она знала, что отношения не зайдут дальше положенного.

Когда мы работали над записью интервью, я все размышлял, какой он – парень, с которым она встречается, и почему она не попросила его о помощи. Возможно, их расписания не совпали, или Макико попросту не хотела смешивать работу и личную жизнь. За все время я так и не смог понять, какая она в обычной жизни, – Сайга ни с кем не позволяла себе расслабиться.

Наедине со мной она было такой же, какой я помнил ее по клубу.

Я никому не сказал о том, что мы работаем вместе, и, думаю, она тоже никому не говорила. Она была не из тех, кто делится с окружающими каждым своим шагом, да и, перейдя на четвертый курс, в Клубе путешественников больше не показывалась, поэтому никто из наших общих знакомых не заметил, что мы одновременно отлучались из Токио.

Когда из ее работы получилась книга, Макико предложила указать меня как ее помощника, но я отказался. Почему-то я не хотел, чтобы всем стало известно, что я ей помогал. Я хотел, чтобы все это осталось приятным воспоминанием. В конце концов, мои инициалы оказались в книге, но никто из моего окружения так и не догадался, что это я.

IV

О том, что Сайга была связана с произошедшим и бывала на месте преступления, я узнал только когда мы начали работу. Она ничем себя не выдала; я был крайне удивлен, узнав об этом в разгар одного из интервью, но изо всех сил старался сохранять спокойствие.

Я и представить себе не мог, что она была одной из тех соседских детей, о которых писали в газетах – они были на празднике в тот день, но не пили отравленный сок. Я полагал, что Сайга всегда жила в Токио, не зная о городе из ее детства. В университетские времена она точно жила в Токио.

До того момента я втайне переживал, что, завидев студентов из столицы, задающих вопросы о массовых убийствах, случившихся когда-то давно, люди откажутся говорить. Но, услышав ее фамилию, многие сразу охотно шли на контакт и много вспоминали. В первый раз я очень удивился и даже спросил, не были ли они старыми знакомыми. Тут же словно пелена спала с моих глаз. То, что должно было стать простой подработкой, вдруг изменило мое представление о ней. Всегда холодная и собранная, Сайга вдруг решила заняться происшествием из своего детства – а ведь, возможно, именно это событие и сделало ее такой. Возможно, она так и не смогла пережить его, избавиться от этой ноши.

Это недалеко отсюда – дом, где все произошло. Он должен быть на улице, идущей вдоль реки.

Я всего один раз бывал там вместе с ней. Да, лишь однажды. Думаю, она в одиночку ходила туда несколько раз.

Это был каменный дом с историей. Хотя уже тогда он выглядел пустующим. В холле были круглые витражные окна. Казалось, весь мир забыл о том месте. Честно говоря, дом выглядел абсолютно заброшенным. Несмотря на в чем-то предвзятое отношение из-за совершенных в нем преступлений, он не произвел на меня никакого впечатления.

Дерево индийской сирени у парадного входа?.. Ну, не припомню. Белые цветы? Не могу сказать. Я был в том доме в августе, но не помню, чтобы что-то тогда цвело. Хотя я мог просто забыть об этом.

Я сопровождал ее почти на всех интервью. Единственный раз я не пошел, когда Сайга отправилась беседовать с Хисако Аосава в тот дом. Она убедила меня в том, что в моей помощи нет необходимости. Поэтому я видел тот дом лишь однажды. Это случилось, когда мы закончили со всеми интервью и собирались вернуться в Токио. Последнее, что я увидел, был тот дом. Сайга не отрываясь смотрела на него, пока не пришло время бежать на поезд.

Ох, с реки дует сильный ветер... Абсолютно непредсказуемый.

Здесь холм, поэтому ветер порой дует в неожиданных направлениях.

Город с рекой, протекающей сквозь его центр, – не такая уж большая редкость, а вот город на холме, обрамленном руслами двух рек, – такое встретишь не часто. Место для такого города наверняка выбирали по оборонительному принципу.

Здесь довольно долго можно идти прямо, никуда не сворачивая. Приятно гулять вдоль реки по пешеходным дорожкам, на которых запрещен проезд транспорта. Возможно, поэтому этот город стал родиной нескольких известных философов. Как там говорят в Киото, «пешие прогулки – источник вдохновения»?

Поразительно, как простая прогулка всколыхнула воспоминания.

Помню, как я сидел в темном доме, заполненном людьми, в небольшом отдалении от нее, и отвечал за магнитофон.

Действительно, люди – самая большая загадка. То, какими они предстают перед другими, меняются в зависимости от собеседника, места или обстоятельств. Все так делают, в той или иной степени.

Однако, я был поражен до глубины души, слушая, как Сайга проводит интервью. Она становилась кем-то совсем иным – кем-то, кого я раньше не знал. Она, безусловно, была очень умна, но об этом ее таланте я не догадывался.

С того самого момента, как Макико попросила меня о помощи, мне было интересно услышать, как она будет расспрашивать людей. Раньше я не видел, как она устанавливает контакт с другими людьми, а в этот момент как никогда хорошо можно увидеть истинный характер человека.

Я ожидал, что вопросы Сайга будет задавать четко по делу, холодно и спокойно.

Но все было совсем не так.

Более того, с каждым новым человеком она вела себя по-разному.

Сложно объяснить, но Макико словно каждый раз становилась именно тем, кого хотел видеть ее собеседник. Она моментально преображалась. Даже манеру речи меняла. С кем-то робкая школьница, с кем-то говорила игриво, без капли стеснения, как студентки нынче. Не знаю, хорошая ли это черта для интервьюера, – возможно, здесь важно постоянство.

До тех пор я не видел, чтобы Сайга направляла на кого-то всю свою энергию и внимание, и был крайне удивлен. Можно даже сказать, это было неприятное ощущение.

Казалось, она сама не осознавала, что это происходит.

Как-то раз я спросил ее, зачем она меняется во время интервью. Еще в самом начале, когда с удивлением заметил эту метаморфозу.

Макико рассеянно переспросила, что я имею в виду.

Я решил, что она дразнит меня, и рассмеялся:

– Ты была великолепна! В какой момент ты понимаешь, какой нужно быть с каждым человеком?

Она лишь посмотрела на меня озадаченно и переспросила, о чем это я.

– Ну как же, ты сейчас была совсем другим человеком – выражение лица, манера говорить, все отличалось! Словно ты актриса, играющая роль, – ответил я.

Макико безучастно взглянула на меня.

И я вдруг понял, что она этого не замечает.

Это заставило меня вздрогнуть. В то же время я осознал, насколько сильно она увлечена исследованием, как сильно концентрируется во время интервью.

Почему вздрогнул? Ну, наверное, потому что увидел, что Сайга готова на все для достижения своей цели и не пренебрегает никакими средствами.

Меня охватило неприятное чувство. Ради чего она так старалась, что хотела узнать?

Ребенком Макико стала свидетелем ужасного преступления. Однако преступника нашли и дело закрыли. Что же ее двигало? Я даже задумался, не помогаю ли случайно с чем-то ужасным? Хотя, наверное, я воспринимал все слишком серьезно...

Нет, не поймите меня неправильно. Я ни в коем случае не критикую ее. Я по-прежнему в чем-то восхищаюсь ею.

Для меня она так и осталась тайной, человеком, которого я не смог бы понять за всю свою жизнь. Я даже немного разочарован в себе.

Вот почему, несмотря на всю шумиху вокруг книги и внимание к ней окружающих, меня абсолютно не интересовало ее содержание. В то время как все, кто был знаком с Сайгой, только о книге и говорили.

Многие осудили ее за выбор названия и материала, но Сайга была не из тех людей, кого волнует критика, потому я не переживал за нее.

Интуиция подсказывала мне, что с выходом книги Сайга достигла своей цели. Вот почему она так резко потеряла интерес к написанному. Так мне казалось.

Когда именно? Не знаю даже. Но сам процесс создания книги наверняка был для нее важен.

VI

Хисако Аосава? Я не встречал ее.

Сайга о ней почти не говорила, хотя мне казалось, что она попросту не хотела делиться со мной информацией о ней. Похоже, для Сайги она была кем-то особенным.

Хисако действительно была необычным человеком.

Стоило ее имени прозвучать в ходе интервью, как люди заметно реагировали – с ними происходила перемена. Видимо, она была особенным человеком для всех. Тем, кого любят, кого уважают и кого боятся. На всех она производила особое впечатление, хотя была очень молода на момент преступления.

Что?

Да вы меня насквозь видите! Куда мне с вами тягаться, я никогда не умел врать...

Честно говоря, я видел ее однажды издалека. Только между нами.

Много раз слыша о каком-то человеке из разных уст, любой захочет увидеть его своими глазами. Я слышал, что Хисако была очень красива, и хотел хоть одним глазком взглянуть на нее. Героиня трагедии, персонаж древней легенды... Для меня, молодого мужчины, это желание было вполне естественным; да все, независимо от пола, поступили бы так же!

Мне стало еще любопытнее, когда я понял, что Сайга не хочет знакомить меня с ней. Поэтому однажды, когда она отправилась к Хисако в одиночку, я решил последовать за ней. Сайга, бывало, гуляла в одиночестве, пока я записывал интервью или бесцельно бродил по городу. В тот раз я тоже притворился, что отправляюсь на туристическую прогулку.

Я имел общее представление о том, где должен быть дом Аосава, поэтому смог проследовать туда за ней.

Сайга торопливо прошла в ворота. Но, прежде чем она успела нажать на кнопку дверного звонка, дверь отворилась.

На пороге стояла стройная девушка с короткой стрижкой. Она была невысокой и очень изящной. Я не мог определить ее возраст, но выглядела она очень молодо.

Девушка был совсем не похожа на слепую, поэтому я сразу и не понял, что это – Хисако Аосава. Будь ее глаза закрыты, я сразу догадался бы, но они были

широко распахнуты – на первый взгляд она ничем не отличалась от любого зрячего.

Как же я понял, что это она? Так странно...

Стоило ей повернуться к Сайге и тепло улыбнуться, как я все понял.

«О, так вот какая она», – подумал я. Вот и всё. Это был первый и последний раз, когда я видел Хисако Аосава.

Мои впечатления? Действительно, она казалась особенным человеком.

Почему?

Дайте подумать... Мне как-то не по себе говорить о впечатлениях. Жалею, что, говоря о Сайге, упомянул о «неприятных чувствах». Поймите, это не более чем субъективный взгляд, личная точка зрения.

Возможно, это просто мое воображение.

Но, клянусь, когда дверь открылась, она смотрела прямо на меня.

Честно, на то самое место, где я стоял.

Конечно, я осознаю?, что противоречу сам себе. Хисако никак не могла меня видеть. Но в тот момент, казалось, она точно знала о моем присутствии.

Возможно, это совпадение. Возможно, она просто случайно повернулась в мою сторону. Думаю, так и было на самом деле.

Но в тот момент я чувствовал, что Хисако Аосава знала, что я там – и что смотрю на нее.

Где я стоял? На другой стороне узкой улочки у дома, в тени дерева. В разгар лета листва была очень густой, в ее тени меня было сложно разглядеть с противоположной стороны улицы.

Вот о чем я говорю. Правда – всего лишь ваш взгляд на события. Тогда я был уверен, что она видит меня.

Индийская сирень? Перед домом? Цвела ли тогда? Хм, не припомню... А это важно?

Что потом? Потрясенный, я поспешил обратно в гостевой дом. Мне казалось, я сделал что-то плохое.

Конечно же, я не рассказал об этом Сайге.

VII

Я уже говорил, что мы всегда останавливались в одном и том же гостевом доме в К. Сайга каждый раз выбирала одну и ту же комнату. Это была угловая комната на втором этаже, в конце коридора. Я, бывало, менял комнаты, но она всегда останавливалась там. Мы обычно расшифровывали записи в ее комнате.

Я как-то спросил ее, почему она всегда выбирает эту комнату, и Сайга объяснила мне, что так ей спокойнее. Мне казалось, что есть еще какая-то причина.

Мы не разговаривали за работой, но, закончив за полночь, обычно болтали около часа за баночкой пива и простыми закусками. Это было похоже на подведение итогов дня.

Как я и сказал, это были несерьезные разговоры, но кое-что мне запомнилось.

Кое-что об этой комнате.

У Сайги была привычка смотреть в одну точку на потолке, когда она о чем-то задумывалась. Она делала так за работой над записями или посреди разговора, размышляя о том, что сказать дальше.

Гостевой дом был в традиционном японском стиле, с деревянными потолками. Бывало, мы в детстве до чертиков пугались, углядев в узоре дерева что-нибудь страшное! В современных домах такого нет, и дети перестали бояться пятен на потолке.

В общем, когда я решил посмотреть, что же привлекло ее внимание, то обнаружил овальное пятно.

Заметив это, Сайга спросила:

– Как думаешь, на что похоже?

– На амебу, – ответил я. – А ты что думаешь?

– Не знаю даже; может, на чайник? – ответила Макико и добавила: – В доме, где я жила, было такое же пятно на потолке.

Тогда я решил, что это пятно на потолке и было основной причиной, по которой она выбрала именно эту комнату. Конечно, других доказательств у меня не было.

А еще Сайга как-то спросила меня:

– Как передать одному конкретному человеку послание у всех на виду?

Я не совсем понял, о чем она, но ответил:

– Может, через те короткие трехстрочные объявления в газетах?

Все их видят, но смысл может быть понятен только конкретному человеку, которому предназначено объявление.

– А, действительно, – согласилась она.

Позднее снова спросила:

– Если б ты хотел оставить на столе записку одному конкретному человеку, в комнате или доме, где много людей, как бы ты поступил? Естественно, ты не хотел бы, чтобы все догадались, кому она предназначена. Как это сделать?

Немного подумав, я ответил:

– Если б я мог заранее договориться с этим человеком, сообщить ему шифр или пароль, я придумал бы, как привлечь его внимание.

– А если заранее договориться нельзя?

– Тогда остается написать то, что будет знать только он, – ответил я. Так себе ответ.

Но Макико повторила мои слова:

– Написать то, что будет знать только он... – и с серьезным лицом надолго задумалась.

Я вернулся к работе над записями и больше не придавал этому значения. До сих пор не знаю, было ли это важно.

VIII

Я знал, что на месте преступления обнаружили письмо, но нигде не слышал, о чем оно было. А Сайга, похоже, знала.

Услышав о послании в интервью, я решил выяснить, как оно связано с преступлением, но в газетах и журналах не было ни слова о его содержании. Похоже, полиция использовала его как зацепку, способную указать на преступника. Однако, несмотря на то, что преступника в конце концов нашли, полиция так и не выяснила, был ли он автором письма.

Я не мог отделаться от мысли, что в этом преступлении есть какая-то тайна. Что-то не сходилось – что-то, не подвластное человеческому разуму.

IX

Не пора ли нам вернуться? Кажется, дождь все-таки нас догнал.

Интересно, что две реки, обнимающие холм в центре города, не сильно отличаются по ширине, но совсем не похожи друг на друга – у одной мужское имя, а у другой – женское. Характер двух, в общем-то, схожих рек проступает на поверхность: река-женщина отличается мягким и спокойным нравом, в то время как течение реки-мужчины быстрое и бурное.

Было здорово. Люблю такие спонтанные прогулки.

Сегодняшнее путешествие? Уж точно что-то необычное.

Я приехал сюда не за тем, чтобы на что-то посмотреть. Это скорее путешествие в погоне за воспоминанием.

Нет, у меня нет желания вновь видиться с Сайгой. Мне достаточно моих воспоминаний о ней.

К тому же у меня остался экземпляр «Забытого фестиваля».

Конечно, я прочел его сразу, как получил. Ведь я очень хотел узнать, что же было важнее для нее – личность преступника или само преступление.

В результате я так и не понял. Как я уже говорил – наверное, она просто хотела издать книгу.

Что, простите?... Подозревала ли она, что преступником был кто-то другой?

Так всегда было или она сама сказала недавно?

Неизвестно?

Что ж, я удивлен. Возможно, Сайга считала так с самого начала. Тогда ясно, почему она была так заинтересована.

В таком случае название «Забытый фестиваль» приобретает совсем иное значение.

Х

Была еще одна причина, по которой я не хотел, чтобы Сайга включала мое имя в список соавторов книги.

Я держал эту причину в тайне все это время, но, честно говоря, она была основной.

Услышав ваш рассказ, я осознал, что и у Сайги все это время могли быть свои мотивы.

Нет, что вы, это мелочи. Не думаю, что их стоит принимать всерьез.

Но вдруг?..

Я сопровождал Сайгу почти на всех интервью и затем занимался расшифровкой записей, потому неплохо помню содержание сказанного.

Однако, приступив к чтению рукописи «Забытого фестиваля», я был крайне удивлен, обнаружив множество несоответствий.

Деталей, не совпадающих с показаниями.

По правде говоря, это были мелочи, не влияющие на повествование. Но стоило лишь сравнить их с текстами интервью, как отличия становились очевидными –

это было совсем не похоже на ошибки, допущенные по невнимательности.

Поэтому, читая книгу, я не мог отделаться от странного ощущения: сперва я решил, что это опечатки, но их было слишком много.

Сайга обладала прекрасной концентрацией и очень ответственно относилась к перепроверке; быть не может, чтобы она просмотрела что-то при прочтении и сверке. Не представляю, как она могла совершить подобные ошибки. Однако эти детали никак не влияли на общую картину, и потому я не сильно вдумывался.

Но вдруг Макико сделала это намеренно?

Могла ли она специально изменить показания, когда включала их в рукопись?

Она же говорила, что «книга – не факт и не вымысел». Это была ее официальная позиция, когда книга вышла. Ни то, ни другое, решайте сами. О, это жутко разозлило прессу – они любят, когда все четко разделено на белое и черное. Для них заявления вроде «не знаю», «ни то, ни другое» и «это серая зона» равносильны преступлению.

Действительно, автор часто намеренно меняет какие-то детали во внешности или окружении, если речь идет о реальных людях, но книга Сайги – это иной случай. Реальных людей по-прежнему можно идентифицировать, стоит только отбросить эти детали, которые, по правде говоря, не важны для истории.

Неужели они были важны для нее лично?

В таком случае сказанное ею однажды приобретает совсем иной смысл. Она спросила: «Как передать одному конкретному человеку послание у всех на виду?»

Я, не сомневаясь, решил, что она говорит о послании, оставленном на месте преступления. Я был уверен в этом до настоящего момента.

Но что, если?..

Что, если с самого начала расследования она планировала издать книгу? «Забытый фестиваль».

«Думаешь, это возможно?

Послание одному, пока все вокруг смотрят, – то, что у всех на виду?

Как насчет книги, ставшей бестселлером?

Послание конкретному человеку. Причастному к происшествию человеку, который наверняка откроет книгу.

Человеку, с которым нельзя договориться заранее или сообщить ему шифр.

Можно лишь написать что-то, о чем известно только ему».

Возможно, она все же обдумала тогда мой ответ.

Тогда намеренно измененные детали и были тем самым посланием, которое поймет только адресат.

Но вот что не дает мне покоя.

Ее отношение к книге после издания. Стоило той выйти в свет, и Сайга, казалось, абсолютно утратила к ней интерес. Будь это посланием кому-то, она с нетерпением ждала бы ответной реакции. Ума не приложу, как она могла так резко охладеть к ней...

Или была удовлетворена уже тем, что изобличила преступника и отправила послание? Доверила ли она адресату право истолковать сказанное и поступить на свое усмотрение?

Солнце садится.

Скоро мой поезд, надо бы поторопиться.

Да, я унаследовал семейное дело – гостиницу рёкан[35 - Рёкан – гостиница в традиционном японском стиле, в которой можно увидеть настенные полотна с каной или иероглифами, характерные рисунки, а также икебаны, украшающие интерьер. Номера для постояльцев также имеют традиционный вид – пол выстлан татами, спать принято не на кроватях, а на футонах, стелимых на татами. Кроме того, в номерах отсутствует ванная комната; постояльцы пользуются общей баней – офуро.] с традиционной японской кухней. В таком деле очень важно найти ответственную и обходительную хозяйку, на которую можно оставить бизнес, – только благодаря жене я смог сегодня спокойно сюда вернуться.

Да, мне до нее далеко.

Путешествие по волнам памяти...

Думал, что никогда не вернусь сюда снова, и вот он я. Напрасно я сегодня сюда приехал.

Вернувшись сюда в погоне за воспоминаниями, я нашел то, что не стоило видеть, – то, что видеть не хотел. Теперь я понимаю, что соблазн увидеть что-то запретное гораздо сильнее желания встречи с чем-то знакомым.

Город, охраняемый двумя реками, протекающими через его центр – мужчиной и женщиной.

От чего же они его оберегают? Возможно, они сообщники? У меня появилось такое ощущение...

Итак, почему же Сайга выбрала именно меня?

Она прекрасно справилась бы в одиночку, без моей или чьей-то еще помощи. Переносной магнитофон и небольшие сувениры были не такой уж тяжелой ношей.

Однако Сайга зачем-то взяла меня с собой.

Она проследила за тем, чтобы я сопровождал ее на всех интервью, помогал расшифровывать записи и запомнил их содержание.

Одной реки недостаточно. Для защиты нужна была еще одна река.

Так что же я там делал? В чем я на самом деле должен был ей помочь?

Мог ли я быть для нее свидетелем? Для каких целей ей понадобился посторонний наблюдатель? Подошел ли я на эту роль, смог ли оправдать ее ожидания? Или она ошиблась в своих расчетах?

Я могу представить себя в будущем.

Вот я медленно прогуливаюсь вдоль реки. Состарившись, я передал бизнес сыну, и теперь часто навещаю сюда. В погоне за чем-то, чего не должен был увидеть, я буду волочить свои старые кости вдоль берега; витая в облаках, бродить вечерами под прохладным ветерком с реки.

Я только что понял еще одну важную вещь.

Послание конкретному человеку – детали, которые она намеренно изменила.

Возможно ли, что оно предназначалось мне? Ведь именно я был тем, кто наверняка прочтет книгу и заметит несоответствия. Именно я, много ночей работая с ней лицом к лицу над записью интервью, мог наверняка обнаружить все неточности в рукописи. Во всем мире лишь я и она знали об этом.

В таком случае становится очевидным, почему она так резко потеряла интерес к книге после ее издания. Ее целью было обязательно дать прочесть эту книгу мне. Книга написана для одного-единственного читателя – меня. В ней было послание для меня. В таком случае ее цель была бы достигнута в тот момент, как я получил и прочел рукопись, остальное было попросту неважно.

Конечно, я понимаю, что это не более чем предположение с моей стороны.

Правда – это всего лишь ваш взгляд на события, я знаю.

Но Сайга из тех людей, что не остановятся ни перед чем, чтобы достичь своей цели.

Потому я не сомневаюсь, что ей это удалось.

3

Посланник из далекой страны[36 - Данная глава целиком – фрагмент книги «Забытый фестиваль», в котором Макико Сайга намеренно изменила имена героев Хисако->Хисайо, Аосава->Аисава.]

Девочка довольно долгое время не знала названия этих цветов. Она видела, как оно пишется, однако прочитать его не могла. Но чем старше она становилась, тем сильнее ее занимали более возвышенные темы, и постепенно эти прекрасные цветы, зацветающие в межсезонье, окончательно слились с остальным миром.

Некогда все мы были близки к земле. После рождения человек, ползая, сперва касается земли руками и ногами, затем отрывает руки от земли, поднимается – и с каждым днем все больше отдаляется от ее поверхности. Его интерес тоже постепенно смещается на более высокие объекты вместе с уровнем глаз – начав с розового мха, одуванчиков, ползающих по земле муравьев и жуков-носорогов, он в конце концов устремляется ввысь.

Однако в тот день цветы привлекли внимание девочки, напомнив ей бумажные украшения на фестивалях и праздниках.

Пышные цветы насыщенного красного цвета напоминали те, которыми украшали классную доску в начале нового учебного года. Девочка тоже помогала их мастерить – складывала несколько слоев бумаги гармошкой и скрепляла их резинкой у основания, прежде чем расправить и придать форму цветка. Каждый новый цветок она укладывала в картонную коробку. Когда ей это наскучило, она принялась играть готовыми цветами в волейбол, следя за их мягким колыханием

в воздухе, прежде чем они падали на пол.

Глядя на эти цветы, девочка решила, что они больше походили на красные воздушные шары – яркую игрушку, издававшую забавный хлопающий звук, стоило коснуться ее ладонью.

В тот день небо было затянуто темными тяжелыми облаками. С самого утра они не пропустили ни лучика солнца, потому среди лишившегося красок мира эти цветы выглядели особенно яркими. Девочка, не любившая жару, очень страдала в такой душный день, словно весь мир безмолвно ополчился на нее.

Тяжелое летнее утро.

Ночью температура тоже не снижалась, а бесперебойно работавшие городские предприятия производили еще больше тепла, донельзя разогревая весь город. Тот стал похож на большую фабрику, наполненную рокотом станков и моторов. На этой фабрике не было выходных. Ее работники продолжали двигаться, пока не упадут, а все усиливающаяся жара выпаривала из их тел любую влагу.

Ближе к концу летних каникул город-фабрику, работавшую на полную мощность, охватило радостное предвкушение – приближение низкого атмосферного фронта и сезона тайфунов обещало долгожданное облегчение.

В тот день это было не просто ощущение надвигающегося дождя.

Девочка заметила непривычное оживление, предвещавшее радостное событие, с самого утра заполнившее весь город. Обычно прячущиеся в прохладе взрослые распахнули все двери навстречу этому радостному предвкушению, энергично передвигаясь по нагретым городским улицам.

Сегодня что-то будет в доме с круглыми окнами?

Девочка пыталась вспомнить, глядя на сад из темной комнаты. Надо бы доделать домашние задания, но напоследок она оставила те предметы, в которых плохо разбиралась, потому и делать их не хотелось. Особой срочности не было, но и тянуть больше не стоило. Каждое лето повторялось одно и то же – день медленно тянулся за днем, пока вдруг не наступал критический момент,

когда ей приходилось пересилить себя и сделать последний рывок.

Из комнаты, которую девочка делила с братом старше ее на три года, виднелся сад на заднем дворе их дома.

В маленьком саду, не больше трех квадратных метров, росла старая фиговая пальма с листьями, по форме напоминавшими амеб; с наступлением вечера дерево отбрасывало пугающую тень. Как-то раз ночью, когда они только переехали, брат напугал ее до слез, выкрикнув театральным голосом: «Смотри, под ним что-то движется!» На самом деле старое дерево приносило очень много плодов, потому с наступлением сезона в сад наведывалось много птиц и другой живности, явившейся полакомиться упавшими на землю плодами.

Деревянный дом, предоставленный их семье компанией отца, сам по себе был довольно мрачным местом.

На старом деревянном потолке в углу было пятно, напоминавшее человеческое лицо, потому девочка боялась спать в комнате в одиночку, если ее брат уезжал в школьный лагерь.

Она не была особенно впечатлительным ребенком, скорее обладала довольно богатым воображением.

Темные коридоры, лестницы и стенные шкафы, темные углы комнат, пятна и рисунки на раздвижных дверях – все это, как правило, становилось источником ночных кошмаров.

Вот почему на этот раз девочка решила, что это очередной кошмар.

Она вернулась из парка, изможденная жарой и влажностью, предвещавшей приход низкого атмосферного фронта. Быстро проглотив завтрак, поднялась в свою комнату и, лежа на нижнем уровне двухъярусной кровати, какое-то время пыталась отделить реальность от вымысла.

Практически задремав, девочка вдруг ощутила постороннее присутствие.

Первым, что пришло ей на ум, было фиговое дерево в саду, который от комнаты отделяли две раздвижные двери со стеклами, вставленными в деревянные перегородки. Две нижние секции были из матового стекла, поэтому снаружи комнату нельзя было увидеть, а изнутри виднелся лишь силуэт фигового дерева.

Кто-то прямо сейчас стоял за дверью.

Нет, не кто-то, а что-то!

Напряжение нарастало. Девочка, охваченная страхом, никак не могла сбросить с себя дремоту. Мысли роились в ее голове, но тело будто парализовало. Девочка не могла пошевелиться, словно силы разом покинули ее тело.

Я должна посмотреть.

Хочу посмотреть. Не хочу смотреть. Я должна посмотреть!

Она наконец смогла пошевелить шеей. Казалось, это что-то заставило ее голову повернуться.

Повернув голову набок, девочка наконец смогла посмотреть на стеклянную перегородку двери.

По ту сторону маячила белая тень.

Белый кокон. Девочка решила, что по ту сторону стекла находится большой белый кокон. Что же это такое? Неужели кошка?

В сад можно было легко попасть, минуя главный вход в дом. Девочка много раз видела соседскую кошку, прогуливавшуюся по бетонному забору и прыгающую к ним в сад. Но для кошки этот объект был слишком большим – к тому же он находился слишком высоко над землей.

Девочка представила большой дрожащий белый кокон, проплывающий над садом.

Вот что она представила. Неважно, было ли это правдой на самом деле.

Сложно сказать, сколько это продолжалось, но когда девочка наконец смогла вернуть себе чувство реальности, кокона уже не было.

Объект, присутствие которого она так болезненно ощущала, исчез без следа.

Напуганная, девочка все же еще немного подремала.

Снова пробудившись, она забыла о переживаниях утра и зажила как обычно. Пройдет еще очень много времени, прежде чем девочка вспомнит об этом снова.

Казалось, в тот день входная дверь была открыта нараспашку. Девочка помнила, как, сидя в темной прихожей гэнкан[37 - Гэнкан – зона у входной двери, традиционная для японских домов и квартир, представляет собой комбинацию крыльца и прихожей. Гэнкан предназначен для того, чтобы входящие в дом люди сняли обувь, прежде чем попасть в основную часть дома.], наблюдала за улицей в дверной проем – за деревом индийской сирени и людьми, снующими туда-сюда по улице.

Куда подевались ее братья? Дзюндзи наверняка носился где-нибудь по соседству и уж точно уже побывал утром в доме с круглыми окнами. Он был очень непоседливым и общительным мальчишкой, который не стеснялся наведываться в гости без приглашения и научился делать это, не привлекая лишнего внимания.

Голос старшего брата, Сей-ити, все еще звучал у нее в голове. Он всю вторую половину лета готовился к вступительным экзаменам в старшую школу и в тот день был не в духе, видимо, отстав от расписания, которое сам себе придумал. У него была своя отдельная комната на втором этаже, где он накануне сердито отчитал младшего брата, наверняка снова без спроса бравшего его вещи.

Девочка запомнила, как Дзюндзи, разбросав аккуратно расставленную в гэнкане обувь, пулей вылетел из дома.

Мама куда-то отлучилась. Наверное, пошла в тот дом. Недавно переехав в этот город, родители должны были обязательно засвидетельствовать свое почтение и поздравить хозяев того дома с важным днем – они ведь были центром местного сообщества.

Сидя в прохладном гэнкане, девочка читала книгу о жизни Бетховена. Это была одна из детских книг из ее коллекции биографий известных и знаменитых людей.

Она много раз перечитывала эту книгу. В ней был один особенно понравившийся ей эпизод. Ее впечатлили не обстоятельства, при которых композитор потерял слух, и не то, что он продолжил творить, несмотря на это, а событие, произошедшее незадолго до его смерти.

Однажды Бетховена посетил незнакомый молодой мужчина в черном костюме. Они обменялись парой фраз. Позднее Бетховен скончался.

Посланник смерти. Мужчина, пришедший из далекой страны. О чем же они говорили?

Девочка любила размышлять о том, что? именно мужчина мог сказать Бетховену. Наверняка он не говорил с ним открыто, а как-то зашифровал свое послание. Слова, сперва озадачившие получателя, смысл которых стал бы понятен ему уже на смертном одре. Что же это было? (Девочка лишь спустя десять лет посмотрит «Гражданина Кейна»[38 - «Гражданин Кейн» - американский кинофильм 1941 г., первый полнометражный фильм 25-летнего Орсона Уэллса, который сыграл в нем главную роль. На протяжении нескольких десятилетий регулярно побеждал в масштабных опросах кинопрофессионалов как «лучший фильм всех времен и народов». Полностью построенное на принципе флешбэков действие фильма разворачивается на фоне журналистского расследования, которое ведет репортер, получивший задание выяснить историю предсмертного слова медиамагната Чарльза Фостера Кейна - «rosebud» («розовый бутон»)].)

Она старалась представить лицо молодого мужчины в черном костюме. Наверняка оно не было неприятным или отталкивающим. Мужчина должен был быть красивым и держаться с достоинством, почтительно относясь к адресату своего послания и своей миссии, с которой он успел примириться.

Передав послание, мужчина тихо удалился.

В далекую страну - потусторонний мир мертвых.

Это видение очаровывало девочку. Она представляла высокую гору на краю дикого леса, с глубокой пещерой у подножия, где начинались длинная лестница, идущая вниз. Мужчина верхом на коне исчезает в ее глубинах.

Девочка пока не знала, что совсем скоро ей предстоит встретить настоящего посланника смерти, потому полностью погрузилась в мечтания о мужчине, сходящем в подземный мир.

Она не заметила, как ветер постепенно усилился и небо, затянутое тучами, потемнело.

Девочка расслышала знакомый щелкающий звук, тут же оторвалась от страниц книги и повернула голову в его направлении.

В дверном проеме показалась белая трость, ощупывающая пространство перед ней.

– Хиса-тян![39 - Хиса-тян – примерный аналог уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке. Указывает на близость и неофициальность отношений. Используется людьми равного социального положения или возраста, старшими по отношению к младшим, с которыми складываются близкие отношения. В основном употребляется маленькими детьми, близкими друзьями, взрослыми по отношению к детям, молодыми людьми по отношению к своим девушкам.] – Отложив книгу, девочка выбежала на улицу.

– Маки-тян?

В ответ гостя посмотрела прямо на девочку. Нет, она не могла ее увидеть, но со стороны это всегда выглядело именно так. Сердце девочки, как всегда в такие моменты, учащенно забилося. Коротко стриженные волосы госты развевались на ветру, ей очень шло белое платье в синий горошек.

– Хиса-тян, а куда ты идешь?

– По поручению. Мне нужно забрать сладости для праздника в честь прабабушки. У нее юбилей.

– А что такое юбилей?

– Какая-нибудь красивая или важная дата по традиционному календарю. Прабабушке исполняется восемьдесят восемь[40 - Помимо привычных нам юбилеев, особо важные даты в жизни японца – 60 и 88 лет. 60-летний юбилей называют «вторым младенчеством», так как японский календарь имеет шестидесятилетний цикл, и, пройдя полный круг, человек возвращается в начальную точку. 88-й день рождения почтенно именуют «рисовым возрастом», ведь иероглиф «рис» можно сложить из иероглифов «восемьдесят восемь».]

Девочка так и не поняла, что такое традиционный календарь, хотя часто слышала, как взрослые говорили о чем-то таком. Почувствовав ее смущение, гостя спросила:

– Можно я зайду к вам домой?

Девочка обрадовалась и протянула руку; пройдя в гэнкан, они уселись рядом на ступеньке перед входом в дом. Хисайо положила белую трость на пол у входа.

Сидя рядом с Хисайо, девочка подумала, что ее приход принес долгожданную прохладу в этот жаркий день.

Гостя заговорила:

– Маки-тян, когда твой день рождения?

– Четырнадцатого июля.

– О, день взятия Бастилии, – пробормотала гостя. – Когда ты родилась – тебе ноль лет, а по прошествии года исполняется один, верно? Поэтому каждый год четырнадцатого июля Маки становится на год старше, понимаешь? А вот по традиционному календарю сразу после рождения тебе один год, а возраст увеличивается на один с приходом Нового года.

Девочка выглядела растерянной.

– Зачем так считать?

Хисайо ласково улыбнулась.

– Когда-то давно каждый прожитый год был очень важен для человека. И для детей, и для взрослых долгая жизнь была настоящим подарком. Они хотели отпраздновать каждый новый прожитый год, поэтому, наверное, и придумали способ, при котором их было как можно больше. Еще совсем недавно дети часто умирали почти сразу после рождения; даже поступив в начальную школу, многие могли погибнуть – например, из-за болезни.

– Сегодня вы празднуете юбилей?

– Верно. С утра в доме много гостей, суматоха... Я так устала всех приветствовать, что решила немного прогуляться.

Хисайо кокетливо высунула язык. Он был маленьким и бледно-розовым, как у кошки.

Сердце девочки забилося еще быстрее. Сидеть вот так, рядом с Хисайо, говоря друг с другом, только вдвоем – было событием невероятной важности. Ее братья, Сей-ити и Дзюндзи, должно быть, умрут от зависти, стоит им узнать об этом. Абсолютно все дети в округе восхищались Хисайо.

– Как же сегодня душно и жарко... Пахнет дождем. Скоро наверняка пойдет сильный дождь.

Хисайо достала из своей небольшой кружевной сумочки хлопковый платочек и помахала на шею. Она очень приятно пахла.

– Как это «пахнет дождем»?

– Хмм... как бы объяснить. Это запах приближающихся дождевых облаков.

Хисайо слегка наклонила голову. Возможно, именно потому, что она лишилась зрения в юном возрасте, остальные ее чувства были обострены. Слух, обоняние, осязание. Привычные для других людей вещи становились особенными, стоило ей заговорить о них.

– Мамы дома нет? – Прислушавшись, Хисайо повернулась к девочке.

– Да! Как ты узнала?

– Я не слышу звуков, которые обычно есть, когда женщина дома. Звуков разных домашних дел. Звуков, которые женщины издают, когда они двигаются по дому, расслабленные и спокойные.

Для девочки голос Хисайо звучал как красивая музыка.

Она как-то слышала, будто Хисайо может видеть руками и лицом.

Говорят, за границей есть люди, которые умеют читать кончиками пальцев. Не шрифт Брайля, а обычный текст; в их пальцах нашли нервные окончания, похожие на те, что есть в глазах. Возможно, во всем ее теле были такие же окончания. Так с серьезным видом говорила одна из одноклассниц девочки.

Девочка однажды видела, как Хисайо и Сей-ити играли в сёги.

– Это просто, если запомнить расположение шашек на доске. Их легко отличить, если потрогать. Так же с шахматными фигурами. Все просто, – говорила Хисайо, но все вокруг знали, что она обладает феноменальной памятью и способностью в голове выстраивать трехмерные модели окружающей обстановки.

Конечно, Сей-ити проиграл в тот раз – возможно, потому, что слишком волновался в ее присутствии.

Девочка очень хотела бы заглянуть в голову Хисайо – узнать, что там внутри. Как же она «видит» окружающий мир? Каким в ее голове предстанет их город и другие люди? Наверняка это был огромный таинственный мир, который никто не мог представить или понять.

Девочка не отрываясь смотрела на маленькую голову Хисайо. В ней было столько всего интересного...

Хисайо вдруг заговорила:

– Кстати, недавно заходил Дзюн. Я слышала его у черного хода.

– Ну конечно! – с обидой ответила девочка. Ее никогда не брали с собой в дом с круглыми окнами! Брат всегда ходил туда, где весело, в одиночку, оставляя сестру дома, как бы она ни просилась пойти с ним.

Вдруг выражение лица Хисайо изменилось.

Девочка почувствовала, как по ее коже побежали мурашки.

Словно температура воздуха резко понизилась, стоило ей заметить, что Хисайо стала серьезной и строгой.

– Маки-тян, тебе не стоит приходить сегодня к нам.

– Что? – Девочка заглянула в лицо Хисайо. Та, стоя в гэнкане, повернулась к двери, незрячие глаза смотрели на улицу. В профиль она была похожа на мраморную статую.

– Но почему? – спросила девочка. Хисайо никогда прежде не была так строга с ней.

– Просто предчувствие, – коротко ответила Хисайо с той же интонацией, с которой говорила о запахе дождя. – Передай Дзюну и остальным. Сегодня в доме полно взрослых, приехавших отовсюду, они будут не рады детям. Приходите в гости как-нибудь в другой раз. Я даже торт-полено специально куплю.

Дети любили шоколадное полено из европейской кондитерской неподалеку – оно было очень вкусным и удобно делилось на всех.

– Угу, – ответила девочка, неуверенно кивая.

– Сегодня не приближайтесь к нашему дому. Пообещай мне. – Взяв трость, Хисайо уверенно встала.

– Но почему? – не унималась девочка.

Хисайо замерла с задумчивым выражением лица.

– Просто. Кажется, я чувствую летучих мышей, – загадочно произнесла она.

А когда ее таинственный ответ потонул в тишине, вышла из гэнкана.

Напоследок Хисайо повернулась в сторону индийской сирени с крупными красными цветами, что росла во дворе. Похоже, она поняла, что дерево цветет. Без белой трости при ней мало кто мог бы догадаться, что она слепая – настолько острыми были остальные ее чувства.

«Я чувствую летучих мышей».

Хисайо довольно часто так говорила. У нее было несколько загадочных выражений; летучие мыши, как правило, были связаны с беспокойными предчувствиями чего-то плохого.

Она никогда не пыталась объяснить окружающим смысл этих выражений – наверное, потому что те все равно вряд ли поняли бы. Впервые услышав нечто подобное, люди приходили в замешательство, но со временем привыкали, по мере своих возможностей пытаясь представить, что же на самом деле имела в виду Хисайо. Хотя и это, должно быть, мало походило на истинный смысл ее слов. Несомненно, загадочность, с которой она выражала мысли, только усиливала ее притягательность.

Видела ли хоть раз летучих мышей Хисайо, потерявшая зрение в столь юном возрасте?

Девочка представила их крылья, похожие на большие черные зонтики...

Их часто видели по соседству, рассекающих воздух в закатных лучах солнца. Глядя на их полет, девочка почему-то вспоминала о картинках с созвездиями, виденных в книгах. Возможно, траектория их полета напоминала ей линии, соединявшие звезды в созвездия на этих картинках.

Девочка так и сидела в гэнкане, обдумывая сказанные Хисайо слова и вспоминая ее краткий визит и удаляющуюся фигуру.

Прохладный ветерок коснулся ее щек, принес с собой сладкий аромат.

– Ох, Маки-тян, опять читаешь в такой темноте... Испортишь глаза!

Мама вернулась домой, держа в руках маленькую коробку. Заметив дорогую оберточную бумагу, девочка поняла, что мама, должно быть, ходила на праздник к Аисава. Она оделась наряднее обычного – ей очень шла белая блузка и синяя юбка-карандаш.

Стоило маме вернуться домой, как тот наполнился ее аурой.

Девочка захлопнула книгу и зашла в дом.

Наблюдая за тем, как мама кипятит воду для чая, она аккуратно открыла маленькую коробку, оставленную на столе. В ней аккуратно лежали два маленьких печенья мандзю[41 - Мандзю – вид вагаси, традиционных японских сладостей; обычно – пирожок из пшеничной, гречишной или рисовой муки с начинкой из бобов анко с сахаром. Запекается в форме. Имеется несколько вариаций с разными видами теста и начинки.] белого и красного цвета.

– Маки, не ешь! Они из дома Аисава, сначала хочу показать папе. Иногда я жалею, что у нас нет семейного алтаря для таких изысканных угощений! – строго сказала мама, заметив девочку, открывающую коробку.

– Я и не ела. – Девочка закрыла крышку. Она всего лишь хотела заглянуть внутрь.

В этот момент в дом с топотом забежал Дзюндзи.

– Ого, здорово, там столько сладостей! – Он взволнованно смотрел на сестру, в его глазах плясали искорки.

Она сразу поняла, что он говорит о том доме.

– Они сказали, чтобы мы обязательно пришли позже. Там приготовили сладости и чай, сказали позвать всех!

– Дзюн-тян, не мешайся там. Сегодня и так все заняты.

– Не переживай! Все взрослые – в доме, соседские дети собрались на заднем дворе. Тасуку меня тоже приглашал. С одними взрослыми скучно! – сбивчиво тараторил Дзюндзи.

Ее брат очень любил праздники, а шумные сборища – еще больше. Тасуку был младшим сыном в семье Аисава.

Девочка неожиданно ощутила горечь.

«Не приближайтесь к нашему дому. Пообещай мне».

Слова Хисайо довлели над ней.

Девочка не знала, стоит ли ей действительно передавать эти слова Дзюндзи. С одной стороны, ей жутко хотелось похвастаться тем, о чем они говорили с Хисайо; она чувствовала, что обещание, данное подруге, нужно непременно выполнить. С другой, ей очень хотелось заглянуть в тот дом на праздник.

Пока ее брат продолжал увлеченно тараторить, девочка задумчиво вышла в гэнкан, надела обувь и направилась на улицу.

«Пообещай мне...»

Голос Хисайо на повторе звучал в голове, а ноги сами несли ее в тот дом.

Кожу холодило от проступившего пота.

Она только посмотрит издали, внутрь не пойдет. Она не нарушит данное обещание.

По крайней мере, так девочка успокаивала себя.

По пути она встретила людей с такими же маленькими коробочками в руках. Все ходили в тот дом. Казалось, абсолютно все, кроме нее, уже побывали там

сегодня.

Ветер усилился. Ветки растущих вдоль дороги деревьев раскачивались, на землю падали редкие капли дождя.

Прижимая коробки с мандзю к груди, прохожие спешили вернуться домой. И только маленькая девочка медленно шла против основного потока людей.

В доме с круглыми окнами собралось много людей. В глаза бросались белые цветы индийской сирени, растущей прямо перед клиникой. Пожилые гости расположились на скамейках, выставленных для них перед домом.

Праздничная атмосфера усилила радостное предвкушение, но, с другой стороны, девочка ощутила беспокойство.

Гости были одеты в красивые деловые костюмы и праздничные кимоно. Перед клиникой развернулся мир взрослых.

Девочка осторожно обогнула дом, направляясь к черному входу.

Услышав доносившиеся из-за дома детские голоса, она сразу успокоилась.

Дом с круглыми окнами был разделен на три части; в конце узкой тропинки, отделявшей его от соседей, был черный вход. Сквозь приоткрытые ворота крытого прохода на заднем дворе доносились детские голоса.

На дорожке мелом были нарисованы классики, в которые играли дети.

Замерев в проходе, девочка издалека наблюдала за ними.

Через открытую дверь на кухню можно было увидеть переговаривающихся женщин в фартуках. Ящики с пивом, столы, на которых лежали бананы и тонко нарезанные рисовые лепешки окаки[42 - Окаки – сладкие хрустящие рисовые крекеры, запеченные в духовке.] на тарелках, накрытых целлофаном. Должно быть, это именно те сладости, о которых говорил Дзюндзи.

«Пообещай мне...»

Голос Хисайо эхом отдавался в голове. Что, если она увидит ее здесь? Девочка заволновалась.

Из-за ворот выглянул красивый мальчик с бледной кожей, окинул взглядом задний двор и сразу же заметил девочку. Ошарашенная, она собралась было убежать, но он уже направлялся прямо к ней.

– Маки, пойдем! Там столько сладостей!

Мальчик, улыбаясь, приглашал ее войти. Белая рубашка с коротким рукавом и серые брючки с подтяжками.

Тасуку был младшим ребенком в семье Аисава. Как и все члены семьи, он отличался правильными чертами лица и светлой кожей, а его хорошее воспитание и чувство юмора выделяло его среди соседских детей.

– Да, но... – Девочка запнулась.

– В такой радостный день нужно делиться с близкими.

Тасуку говорил совсем как взрослый – наверняка нахватался умных слов у родителей.

– Ну... только ненадолго.

Опасливо озираясь по сторонам, девочка последовала за ним.

Переступая порог, она заметила что-то на полу в коридоре. Маленькая игрушечная машинка, которую, должно быть, обронил кто-то.

– Тасуку-тян, это твое? – спросила она, подняв грязную машинку с пола.

– Нет, не мое. Наверное, обронил кто-то. Чья она? – Тасуку спросил достаточно громко, чтобы пятеро или шестеро детей, игравших у входа, отрицательно покачали головами в ответ.

– Не моя.

– Не-а.

– Тогда я пока заберу ее. Если кто будет искать, скажите, что она у меня.

Тасуку отряхнул машинку от грязи и убрал в карман брюк. Это тоже было очень по-взрослому.

– О, Маки-тян, здравствуй! Недавно как раз заходил Дзюн...

К девочке обратилась женщина за пятьдесят по имени Кими-сан, она долгое время работала на семью Аисава. Все соседские дети обожали эту дружелюбную полную женщину.

– Он сейчас дома.

– Какой проказник! Совсем недавно пришел сюда один, веселился и болтал... Действительно, неугомонный. – Кими рассмеялась и, достав из кармана фартука пакет с леденцами рамунэ[43 - Рамунэ – японский газированный безалкогольный напиток в бутылках с узкой горловиной, внутри которой находится стеклянный шарик. Наиболее распространено рамунэ со вкусом лайма и лимона.], протянула один девочке.

– И мне дай, пожалуйста! – Тасуку протянул руку.

Кими строго ответила:

– Кто-то и так съел уже много!

– Делиться с ближними! – вывернулся Тасуку.

– Хорошо, но только одну, – сказала Кими, протягивая ему конфету.

Она не могла не баловать мальчика. Тасуку прекрасно знал об этом и пользовался ее добротой.

– Маки, давай их съедем!

– Угу.

Дети присели на корточки у черного входа и развернули конфеты. Похожие на маленькие пилюльки, кисло-сладкие леденцы прилипали к языку, растворяясь в горле с забавным шипением.

– Как много людей!

– Да, недавно даже кто-то из городской управы приходил. Долго кланялся дедушке...

– А Хиса-тян?..

– Вышла куда-то, пока не вернулась.

Девочка наконец расслабилась. Решила быть осторожнее по пути домой, чтобы случайно не столкнуться с Хисайо.

Вдруг налетел резкий порыв ветра и вырвал целлофановую обертку от конфеты из руки девочки.

– Ой!

Она спешно вскочила на ноги, но подхваченная ветром обертка уже перемахнула забор и скрылась из вида.

– Ну вот, будет сильный дождь.

– Как жаль, прямо во время праздника...

Дети подняли глаза к небу, словно старались проследить траекторию скрывшейся из вида целлофановой обертки.

Через все небо с бешеной скоростью проносились тучи, закручиваясь от порывов ветра и постоянно меняя форму.

– Доставка цветов! – крикнул мужчина средних лет, мокрый от пота, и заглушил мотоцикл. Он держал в руках букет белых лилий в бумажной упаковке. – Цветы для господина доктора от доктора Терада из городской больницы.

– Большое спасибо! – Кими вышла навстречу, надев сандалии.

Мужчина, сняв шлем, произнес:

– Передайте мои поздравления!

– Благодарим!

– Заняты с самого утра?

– О, да. Все сбились с ног.

– Господину доктору так повезло с детьми... А то, что его матушка празднует восемьдесят восемь лет в этот же день, – благое знамение. К тому же, сын и внук с одинаковым днем рождения – и вправду особенные люди!

– Как ваша матушка?

– Ох, по-разному... В такую жару, понимаете, старикам не сладко.

– Передавайте жене от меня привет. Спасибо!

– Позвольте откланяться!

Мотоцикл снова зашумел и скрылся вдали.

– С самого утра все несут то цветы, то sake, – с едва различимой гордостью в голосе пробормотала Кими.

– Ого.

Даже будучи ребенком, девочка отчетливо осознавала невероятное влияние и силу семейства Аисава, постоянно замечая пропасть между простыми смертными вроде нее и, например, Тасуку или другими членами этой семьи.

Последняя конфетка на языке отдавала горечью.

Стряхнув воду со стеблей лилий, Кими опустила их в ведро с водой, стоящее у черного входа; цветами были заполнены уже три ведра.

– Маки-тян, прихвати потом с собой цветов. Такими темпами мы в них утонем! – сказала она, держа стебли лилий над газовой конфоркой.

– Кими, ты жаришь цветы? – удивленно спросила девочка.

Кими вопросительно взглянула на нее, а затем рассмеялась.

– Нет; просто если прижечь стебли срезанных цветов, то они простоят дольше.

– Ого...

Заглянув в кухню, девочка заметила нескольких женщин в кухонных передниках с длинными рукавами, занятых готовкой. По подносам, уставленным рюмками с саке, можно было понять, как много гостей прибыло на праздник.

На столе в ряд стояли узкие вазы, пока без цветов. Внимание девочки сразу привлекла красивая синяя стеклянная ваза – она ярче других блестела на солнце.

«Я хочу ее».

Девочка почувствовала непреодолимое желание завладеть вазой.

– О, сестра возвращается...

Услышав голос Тасуку, девочка испугалась.

Она резко обернулась и заметила мальчика, идущего по дороге к дому. Рядом с ним к воротам клиники медленно шла Хисайо. Она дружелюбно приветствовала гостей. Те отвечали ей широкими улыбками, постепенно окружая ее со всех сторон. Хисайо была еще подростком, но прекрасно держалась в компании взрослых. Будучи ближе по возрасту к другим детям на празднике, она общалась со всеми гостями с особым достоинством, подобно храмовой девице мико[44 - Мико – служительницы синтоистских храмов в Японии. В современном синтоизме помогают в проведении храмовых обрядов и осуществлении брачных церемоний, исполняют ритуальные танцы, занимаются гаданиями-омикудзи и просто поддерживают чистоту и порядок в храмах.], потому люди вокруг относились к ней с почтением и восхищением. Ее окружала поистине мистическая атмосфера.

Девочка с удивлением заметила, что Хисайо вернулась с пустыми руками. При ней была только ее кружевная сумочка.

Разве она не собиралась за сладостями? Или это была только отговорка?

– Тасуку, я пойду домой.

– Что, уже?

– Не говори Хиса-тян, что я приходила!

– Почему?

– Ну пожалуйста!

Тасуку соорудил недовольное лицо, но девочка его уже не видела.

Она прекрасно знала, что Хисайо никак не сможет найти ее на таком расстоянии, но ей все равно было не по себе.

Хисайо точно сможет! Она наверняка найдет знаки, подсказывающие, что девочка была у нее дома, даже если та будет уже далеко. Девочка была в этом уверена!

Она побежала в направлении дома.

Постепенно удаляясь от праздничной атмосферы дома Аисава, она понемногу успокоилась и смогла выдохнуть с облегчением.

Вдруг начался дождь.

Едва девочка успела заметить несколько крупных капель, как ее накрыло стеной проливного дождя.

Она бросилась бежать. Ее спортивные туфли тут же промокли насквозь.

Пейзаж вокруг изменился. Прохожие, согнувшись, бежали со всех ног. Владельцы магазинов накрывали уличные прилавки пластиковыми щитами, люди переставляли велосипеды под навесы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду Мишель Петруччiani, французский джазовый пианист, чье музыкальное произведение «Юджиния» вдохновило автора на написание книги. Скончался в январе 1999 г.

2

Татами – традиционные толстые (5 см) тростниковые маты, обшитые по длинным краям тканью, укладываемые на пол. В Японии до сих пор измеряют площадь помещений в татами; размер одного татами составляет 95,5?191 см (в Западной Японии) и 88?176 см (в Токио и Восточной Японии).

3

Имеется в виду распространенное, но ошибочное название лагерстрёмии – настоящая сирень и лагерстрёмия относятся к разным семействам. Несмотря на название, родиной растения является Китай. Декоративное растение с крупными цветами белого, розового, малинового или пурпурного цвета, используется в оформлении парков и оранжерей.

4

Канто – восточный регион острова Хонсю, наиболее высокоразвитая и урбанизированная часть Японии. В нем находится столица государства – Токио, резиденция императора и правительство Японии.

5

Сомэн, сомён или сомян – очень тонкая лапша из пшеничной муки, диаметром менее 1,3 мм. В Японии обычно подается холодной с соевым соусом или соусом даси.

6

Фусума – скользящая дверь в виде обклеенной с двух сторон непрозрачной бумагой деревянной рамы; используется для деления большой японской комнаты на части.

7

Японская пословица, звучит буквально «Стоит проглотить, как забываешь, что было горячо».

8

Синкансэн – высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны. Также поезда синкансэн называют «поезд-пуля».

9

Синапс – место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой. Служит для передачи нервного импульса между двумя клетками.

10

Китайские шашки – несмотря на название, с шашками игра не имеет почти ничего общего и к Китаю также отношения не имеет. Китайские шашки – упрощенный вариант игры Халма, которая была изобретена в 1883–1884 гг. в США. В китайские шашки играют на поле, имеющем форму правильной шестиконечной звезды. Цель игры – переставить все свои шашки в противоположный луч звезды первым. Во время игры все шашки остаются на поле – бить в этой игре нельзя.

11

Юкицури – японская техника для сохранения деревьев и кустарников от сильного снегопада. Деревья получают дополнительную поддержку бамбуковыми палками с веревками, прикрепленными к ветвям; в то время как кусты зачастую крепко обвязаны по всей окружности.

12

Криптомерия японская – вечнозеленое дерево семейства кипарисовые; единственный вид рода криптомерия. Растение называют также японским кедром. Считается национальным деревом Японии.

13

Сифон – изогнутая трубка с коленами разной длины, по которой жидкость поступает из сосуда с более высоким уровнем в сосуд с более низким уровнем жидкости. Для обеспечения работоспособности сифон необходимо предварительно заполнить жидкостью.

14

Коммелина – типовой род однодольных цветковых растений, однолетних и многолетних трав семейства коммелиновые. Цвет лепестков обычно синий, но встречается также белая и розовая окраска. У большинства коммелин цветки недолговечны: раскрываются утром, увядают в течение одного дня.

15

Фуuton – традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраца, расстилаемого на ночь для сна и убираемого утром в шкаф.

16

Сакура – название нескольких деревьев подсемейства сливовые; зачастую обозначает вишню мелкопильчатую. Многие виды, называемые «сакурой», используются в культуре только как декоративные растения и либо не плодоносят вообще, либо дают мелкий и несъедобный плод.

17

Гинкго – голосеменное реликтовое растение, часто называемое живым ископаемым. Род включает целый ряд ископаемых видов и только один современный вид гинкго двухлопастный. В Японии название дерева гинкго произносится как итё: это произношение появилось от китайского словосочетания «утиные лапки», так как листья дерева напоминают их по форме.

Кото – японский щипковый музыкальный инструмент, длинная цитра с подвижными кобылками. Наряду с флейтами хаяси и сякухати, барабаном цудзуми и лютней сямисэном относится к традиционным японским музыкальным инструментам.

Сугороку относится к двум различным формам японской настольной игры: бан-сугороку, которая похожа на нарды, и э-сугороку, которая похожа на западную «Змеи и лестницы».

26 января 1948 г. в отделение Императорского банка «Тэйгин» в пригороде Тосимы зашел мужчина в белом халате. Он назвался врачом, посланным американскими оккупационными властями для проведения вакцинации от дизентерии. Управляющий отделением банка поверил ему и вместе с остальными сотрудниками принял лекарство, принесенное неизвестным, которое на самом деле было раствором цианида. Принятое вещество стало смертельным для 11 сотрудников и ребенка одного из них, находившегося в банке в момент ограбления. Затем неизвестный забрал из кассы 164 тыс. иен наличными и чек на сумму 17,4 тыс. иен, после чего снял халат и покинул банк.

В оригинале упоминаются «два из восьми видов ада» в буддизме – круги горячего ада, где преступники бесконечно палятся на постоянном огне, что

сопровождается их страшными мучениями, криками и стонами.

22

Сейсонкаку – большая японская вилла в городе Канадзава, построенная в 1863 г. Маэдой Нариясу, даймё клана Кага, в качестве дома для его пожилой матери – Синрю-ина. Коллекция ее личных вещей и сама вилла сейчас открыты для публики.

23

Даймё – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии. Если считать, что класс самураев был элитой японского общества X–XIX вв., то даймё – элита среди самураев. Сословие возникло одновременно с появлением устойчивой военной прослойки – буси – в IX–XI вв.

24

Юрэйясики – «дом, с привидениями, нехороший дом», букв. «дом, в котором живут духи» – часто злые, мстительные духи «юрэй», появившиеся из-за скопившихся негативных эмоций или переживаний, трагических обстоятельств или насильственной смерти.

25

Энгава, или эн – дощатый либо бамбуковый настил без татами по периметру японского дома, связывающий его с садом.

26

Ляпис-лазурь – также лазуревый камень или лазурит, реже бухарский камень – сульфатсодержащий непрозрачный минерал от синего до голубовато-серого или зеленовато-серого цвета. Лучшими считают камни сочного синего цвета или сине-фиолетовые, а также насыщенно-голубые. «Ляпис-лазурью» назывались только плотные и однородно окрашенные темно-синие разновидности лазурита лучшего качества, пригодные для ювелирных вставок и декоративно-прикладных изделий.

27

Кенити, Ёсида (1912–1977) – японский писатель и литературный критик эпохи Сёва, удостоенный множества престижных литературных премий.

28

Эндогенная интоксикация (аутоинтоксикация) представляет собой самоотравление организма продуктами метаболизма. Это могут быть продукты как самого организма, так и микроорганизмов, которые составляют его естественную микрофлору.

29

Вегетативная нервная система – отдел нервной системы, регулирующий деятельность внутренних органов, желез внутренней и внешней секреции, кровеносных и лимфатических сосудов. Игрет ведущую роль в поддержании постоянства внутренней среды организма и в приспособительных реакциях.

30

Преэклампсия – тяжелый токсикоз второй половины беременности, когда организм беременной женщины перестает справляться с повышенной нагрузкой.

31

Соробан – японские счёты. В настоящее время соробан продолжает использоваться преимущественно для обучения счету в начальной школе. Этот подход имеет ряд педагогических преимуществ по сравнению с обучением счету на бумаге и калькуляторе.

32

Регион Хокурику расположен в северо-западной части Хонсю, крупнейшего из островов Японии. Он тянется вдоль Японского моря, входя в состав более крупного региона Тюбу. Регион Хокурику включает в себя 4 префектуры: Исикава, Фукуи, Ниигата и Тояма.

33

Бэнто – обед навынос, однопорционная упакованная еда. Традиционно бэнто включает в себя рис, рыбу или мясо и один или несколько видов нарезанных сырых или маринованных овощей в одной коробке с крышкой.

Минсюку – бюджетный вариант японской гостиницы, в которой прием гостей не является основной специальностью – зачастую это просто несколько комнат в традиционном японском доме, сдаваемые хозяевами под ночлег для проезжающих путешественников; наиболее распространены в сельских регионах Японии, особенно в деревнях, слишком незначительных для полноценной гостиницы или рёкана.

Рёкан – гостиница в традиционном японском стиле, в которой можно увидеть настенные полотна с каной или иероглифами, характерные рисунки, а также икебаны, украшающие интерьер. Номера для постояльцев также имеют традиционный вид – пол выстлан татами, спать принято не на кроватях, а на футонах, стелимых на татами. Кроме того, в номерах отсутствует ванная комната; постояльцы пользуются общей баней – офуро.

Данная глава целиком – фрагмент книги «Забывтый фестиваль», в котором Макико Сайга намеренно изменила имена героев Хисако->Хисайо, Аосава->Аисава.

Гэнкан – зона у входной двери, традиционная для японских домов и квартир, представляет собой комбинацию крыльца и прихожей. Гэнкан предназначен для того, чтобы входящие в дом люди сняли обувь, прежде чем попасть в основную часть дома.

«Гражданин Кейн» – американский кинофильм 1941 г., первый полнометражный фильм 25-летнего Орсона Уэллса, который сыграл в нем главную роль. На протяжении нескольких десятилетий регулярно побеждал в масштабных опросах кинопрофессионалов как «лучший фильм всех времен и народов». Полностью построенное на принципе флешбэков действие фильма разворачивается на фоне журналистского расследования, которое ведет репортер, получивший задание выяснить историю предсмертного слова медиамагната Чарльза Фостера Кейна – «rosebud» («розовый бутон»).

Хиса-тян – примерный аналог уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке. Указывает на близость и неофициальность отношений. Используется людьми равного социального положения или возраста, старшими по отношению к младшим, с которыми складываются близкие отношения. В основном употребляется маленькими детьми, близкими подругами, взрослыми по отношению к детям, молодыми людьми по отношению к своим девушкам.

Помимо привычных нам юбилеев, особо важные даты в жизни японца – 60 и 88 лет. 60-летний юбилей называют «вторым младенчеством», так как японский календарь имеет шестидесятилетний цикл, и, пройдя полный круг, человек возвращается в начальную точку. 88-й день рождения почтено именуют «рисовым возрастом», ведь иероглиф «рис» можно сложить из иероглифов «восемьдесят восемь».

41

Мандзю – вид вагаси, традиционных японских сладостей; обычно – пирожок из пшеничной, гречишной или рисовой муки с начинкой из бобов анко с сахаром. Запекается в форме. Имеется несколько вариаций с разными видами теста и начинки.

42

Оаки – сладкие хрустящие рисовые крекеры, запеченные в духовке.

43

Рамунэ – японский газированный безалкогольный напиток в бутылках с узкой горловиной, внутри которой находится стеклянный шарик. Наиболее распространено рамунэ со вкусом лайма и лимона.

44

Мико – служительницы синтоистских храмов в Японии. В современном синтоизме помогают в проведении храмовых обрядов и осуществлении брачных церемоний, исполняют ритуальные танцы, занимаются гаданиями-омикудзи и просто поддерживают чистоту и порядок в храмах.

Купить: https://telnovel.com/onda_riku/dom-s-siney-komnatoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)